
Юлия Ивлиева
ВИЛИСЫ
ТОМ 1
ТАНЦУЮЩИЕ НА КАБЛУКАХ
ЗАБАВА
Цена тайны - смерть
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Юлия Федоровна Ивлиева

Вилисы. Том1. Танцующие на каблуках.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71904247
SelfPub; 2025

Аннотация

Три танцовщицы ночного клуба убиты странным методом – задушены узлами плетения шибари. Рядом с ними найдены трупы мужчин, чьи лица искажает зловещая гримаса счастья, но следов насилия нет.

Лекс и Егерь начинают расследование дела, сначала в желании отомстить за друга, а потом – под угрозой собственной жизни.

Мертвых мужских тел, чей последний миг озарило неземное счастье становится больше. Кто, тот загадочный неуловимый убийца, который напоследок дарит блаженство?

Мир пол дэнса полон тайн. Разгадать можно любую из них, но готов ли ты заплатить назначенную цену?

Мистический чувственный детектив, с будоражащей любовной линией. Сюжет, в котором судьбы танцуют экстравагантный эротический танец любви и мести, верности и предательства, жизни и смерти.

Первая часть истории. Продолжение в «Вилисы. Договор со смерью»

Содержание

***	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	72
Глава 8	92
Глава 9	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Юлия Ивлиева
Вилисы. Том1.
Танцующие на каблуках.

***

« – Это древняя легенда. Вы – вилисы, невесты, не дожившие до своей свадьбы, до своего счастья. И вот в этих подвенечных платьях вас опустили в могилы. Вот там, наверху, там идет жизнь. Там живут. Там поют, любят. ЛЮБЯТ! А вы лежите в тесных и сырых гробах. На вас давит земля. Ночью вы поднимаетесь из могил и убиваете одиноких путников. Только мужчин. Всех. Без пощады. Получить подобие той любви, которой вы не успели насладиться там в жизни.

А ты Мирта. Ты не простая вилиса. Ты предводительница. Это ты поднимаешь своих подруг на смертное игрище. Ты обрекаешь мужчин на смерть. Наказать! Отомстить! За себя и за всех будущих вилис, и за всех тех, кого каждый день убивают мужчины: ложью, предательством, эгоизмом. И когда на ваше кладбище приходят лесничий и граф, которые лишили рассудка и жизни чистую и невинную девочку, разве они могут топтать безнаказанно землю, которая на вас давит? Пусть эта деревенская дура Жизель

что-то лопочет о любви и пытается защитить Альберта. Разве он достоин жизни?

– Нет. Не достоин!

– Вот! А теперь станцуй это, потому что говорить ты не умеешь!…»

Из сериала «Вилисы»

Глава 1

– Это девочка Виринеи? Студия «Вилисы»? – мужской пренебрежительный и преисполненный цинизма голос прорвался сквозь музыку. – Что они на этом-то соревновании забыли?

Поклонский ни перед кем не испытывал пиететов, не стеснялся в выражениях и в лоб высказывал все, что думает, считая это своей фишкой. Впрочем, резкими высказываниями и взглядом свысока он смущал только юных танцовщиц, наивно подходивших за советом и рекомендациями. Остальные обитатели мира полдэнс давно привыкли к его выходкам, так же как и к обезьяньему гримасничанью на фотографиях. Впрочем, именно этим он поднимал накал эмоциональности на соревнованиях. А еще сумасшедшей динамикой во время судейских выступлений, не всегда пристойными жестами и низким гонораром. Поэтому судить его звали регулярно.

– Наверняка ее. Этих девочек видно сразу, – звонко согласился женский голос с нотками металла, тоже не заботясь, что будет услышан. – Знаменитая рука Виринеи сразу чувствуется.

Виринея сидела через ряд от судей и слышала каждое слово. Она улыбнулась с явным превосходством и самодовольством. Арину Зиновьеву, обладательницу металлического

голоса, она хорошо знала.

– Не только рука. – Поправила она про себя – Еще силы, энергия, мастерство, время, деньги, в конце концов.

– Ну, очевидно же, что не начинашка. Ну, откуда у нее такие берутся? Сколько эта девочка танцует? – говоря, Поклонский почти сполз под стол, ноги расставил так широко, как у простого мужика растяжки не хватит.

Если согласиться с психологами, которые объясняют эту позу у мужчин, как демонстрацию размера яиц, то Поклонский желал внушить окружающим, что они у него слоновьих размеров.

– Танцует, – согласился звонкий насмешливый голос, принадлежавшей совсем юной девушке. Лицо казалось Виринее знакомым, но в судьях она видела ее впервые. – Два месяца и танцует. Без спортивного и хореографического прошлого. Программа категории «Начинающие».

Девушка радовалась, улыбалась, восхищенно смотрела на сцену и старательно заносила результаты в таблицу.

Нет, она не была поклонницей Виринеи и ее студии, просто еще по молодости не успела нацепить на себя вальяжный всезнающий и циничный вид.

– Говорят, девочки Виринеи репетируют по три раза в день, – восхищалась молоденькая барышня.

– Они не репетируют, – хмыкнула Зиновьева, – они рождаются на стрипах и с пилоном в руках.

– Чтобы задницей вертеть, не надо репетировать, – доба-

вил Поклонский.

– Чтобы ТАК вертеть задницей, надо не репетировать, надо пахать! – Зиновьева смерила Поклонского презрительным взглядом.

– Надо перевести ее в любители. – фыркнул Поклонский. – Кто еще от Виринеи?

– Ну, кто же тебе скажет? – фыркнула обладательница металлического голоса. – Но гарантирую, по три штуки в каждой категории, и сколько не крути – все призовые возьмут.

– Я не дам, – Поклонский сложил руки на груди.

– Только орал бы потише, – зашипела на него соседка по судейскому креслу. – Она наверняка где-то здесь.

Но разворачиваться и оглядывать зал девушка не стала.

Виринея закатила глаза. Вздохнула глубоко и спокойно. Сосредоточилась на сцене.

Изящная красавица в ярком красно-оранжевом костюме, гибкая, стройная, легкая взлетела на пилон. Позади нее на большом экране полыхало пламя, снопы искр будто настоящие врывались в темноту зала. Острые колючие лучи софитов расчерчивали сцену и толпу зрителей, превращая девушку в искру страсти, разгорающуюся, пылающую, воспламеняющую все вокруг.

Музыка завораживала, окружала, вела за собой. По телу пробежала дрожь. Взгляд неотрывно следил за девочкой.

Виринея наверняка знала, что стоит за этой легкостью, грацией, волшебством. Сколько сил требуется сейчас, какое

бесстрашие и преданность понадобились, чтобы выйти на сцену. Боевое крещение. Первая сцена. Рождение жар-птицы.

Виринея сосредоточенно следила за ученицей, за воспитанницей, как называла их она сама. Она посылала свои силы и энергию в это изящное сильное тело. Прикрыв глаза, она видела флюиды, которые исходили от нее, светились, пересекая сцену, и впитывались в смуглую кожу танцовщицы. Та была неподражаема. Великолепна. Победительница. Виринея растила только таких. Лучших.

Со сцены лился чистый секс. В каждом взмахе головы, в каждом движении тела. Виринея кожей чувствовала мужское возбуждение, наэлектризовавшее зал. Виринея прикрыла глаза и брезгливо улыбнулась.

Вдруг она нахмурилась, по лицу прокатило раздражение, негодование. Она тихо и спокойно поднялась, осторожно пройдя по ряду перед стульями, вышла.

Глава 2

Он отлично знал, как его загорелое, подтянутое, в меру подкаченное тело смотрится на белых шелковых простынях. Дикий отдавал себе отчет и даже делал немалую ставку на то, что вся картина походила на сцену из какого-нибудь романтического фильма. Когда главный герой брутальный и харизматичный в перерыве между спасением мира и более мелкими подвигами отдыхает и отдаётся страсти со случайной красавицей. Девушкам такое очень нравилось. Это настраивало их на легкий героизм и самоотверженность, которую они могли проявить, щедро даря свою любовь спасителю.

Случайная красавица отпила шампанского из бокала, расположенного на низком стеклянном столике и пошла в ванную. Стройное молодое тело, призывно виляя бедрами, скрылось за дверью. Дикий вальяжно потянулся, прислушиваясь к ощущениям, к желаниям. Еще раз? Или можно выпроваживать? Случайная красавица, кстати, была весьма недурна во всех смыслах, можно в ресторан сводить. Он как раз проголодался. К тому же она вовсе не случайная, а тщательно выбранная. Танцовщица. Дикий питал к ним особую страсть. Грациозные, гибкие, великолепные тела. Сила мышц под бархатной кожей. Он обожал чувствовать, как напрягаются железные мышцы под его рукой, и при этом получал тактильное удовольствие от прикосновения к гладкой

шикарной коже. Кайфовал от выгнутой спины, бедер, расчерченных линиями мышц, натянутых носочков.

Дикий признавал у себя слабость самолюбования. Он вообще признавал все свои слабости, любил их, холил и лелеял. А еще он чувствовал себя мальчишкой. Легкомысленным, беспечным, беззаботным. Он так и не обзавелся семьей и детьми в свои почти сорок. Впрочем, о том, что через каких-нибудь пару лет ему сорок, он тоже не задумывался. Вся жизнь у него еще впереди, красивая, легкая, полная удовольствий. Наверное, поэтому он питал страсть к красоте и стилю во всем: в интерьере квартиры, в одежде и внешности, в местах, и развлечениях.

Юная барышня, действительно, наблюдала за ним из-за мутного стекла ванной комнаты. Денис был как раз таким мужчиной, о котором можно только мечтать. Богатый красавец на дорогой машине, в хорошей квартире. Она прикидывала, затянутся ли их отношения дольше одного раза. А! Неважно. – наконец, решила она. – В конце концов, чувства, что она испытывала сейчас, и эмоции принадлежали только ей. За ними она и пришла сюда.

Через бронированную дверь, ведущую в подъезд, мужчины и девушки видно не было. Но запах страсти, удовольствия и предательства не знал преград. На лестничной клетке, среди кадок с цветами и панелей из искусственного камня полыхали другие страсти. Крупные слезы катились по щекам. Беззвучные рыдания сотрясали хрупкое тело. Закушенная

до крови ладонь пропускала жалобные всхлипы.

– Ты знаешь, что делать, – спокойно произнес уверенный знакомый голос, и рука опустилась на плечо. – Он заслужил. Как никто.

Ей хотелось свернуться комочком, спрятаться у подруги на груди и рыдать. Рыдать долго и самозабвенно, пока слезы не вытекут все, пока вместе с ними тело не покинет боль, пока не высохнут глаза, пока не охладеют чувства.

Она не могла плакать. Не могла кричать, не могла пошевелиться. Тоненькая, словно стебелек, побелевшими пальцами она схватилась за перила подъездной лестницы. Она не верила, что это все происходит с ней.

На плечо надавили, напоминая, что ей следует сделать. От этого не уйти. Ей придётся выбрать. Но она не могла выбрать. Не могла сделать. Она стояла неподвижно, словно статуя, и ждала, когда кончатся все времена, когда ее развеет ветер.

– Иди. Я подожду тебя.

– Я не могу, – она не узнала свой голос. – Не могу.

– Можешь. Это твое предназначение. – ответом ей стала уверенность тяжелее каменной плиты. – Он не первый.

– Не первый, – согласилась девушка, и в мертвом взгляде под длинной черной челкой появилась безумная искра безысходности. – Единственный.

– Не дури! – ее раздраженно торопили. – Иди. Меня ждут.

– Нет, не пойду. Не могу, – уверенность нарастала, пре-

вращаясь в спокойную обреченность.

– Ты знаешь цену. Ты хочешь заплатить за его жизнь?

– Угу, – легко согласилась девушка, вдруг улыбнувшись.

– Девчонки! – рука соскользнула с плеча. В голосе послышалось разочарование и усталость.

Глава 3

Лекс едва заметно прищурил глаза и чуть прибавил газу, въезжая на Президентский мост. Авто дрогнуло на металлическом соединителе асфальта и устремилось вперед чуть быстрее.

Граница. Черта. За ней простирался Город. Большой Город. Длинный мост через залив, создающий впечатление, что город стоит на острове. Хорошо, полуострове. Лекс специально сделал крюк в пятьдесят километров, чтобы проехать по нему, чтобы наполниться эмоциями и чувствами, которые он предвкушал при возвращении. Он возвращался в Большой Город, в, наверное, родной Город после долгих лет скитаний по свету. Лекс так и не определился, где у него родина, где у него дом. Слишком много разъездов выпало на его долю. Командировка длиною в семнадцать лет.

Он ясно осознавал, что возвращался совсем другим, сильным и взрослым, а еще, как ему казалось, победителем. Он точно не знал, где и кого он победил, но себя не обмануть. Он так чувствовал. К тому же, у него был самый главный трофей современности. Нет, не шкура убитого льва. – Лекс хохотнул вслух, представив на заднем сидении его новенького мерса траченную молью добычу, которую он притащил из Африки, провезя через чертову уйму таможен и границ. Он оставил ее на стене квартиры. Новые хозяева оценят. А вот тон-

кая картонка пятьдесят пять на восемьдесят пять миллиметров с названием самого надежного и большого банка страны. Самый верный трофей, который высоко ценится в наше время. Что-то будоражащее и звенящее трепетало в груди, будто вынимало из его тела душу и тащило вперед быстрее. Какое-то предчувствие. Лекс еще прибавил газу и резко выдохнул, избавляясь от непонятного настроения.

Примерно с такими же мыслями он покидал этот город много лет назад, старательно избавляясь от ощущения бегства. В старой раздолбанной девятке и с парой сотен в кармане.

Сразу после похорон матери, так и не зайдя в кафе, где ее поминали. Просто сел в машину и уехал. Будто стук заколачиваемых в гроб гвоздей стал выстрелом старта, спусковым механизмом. Тогда тоже будоражило и потряхивало предвкушение. Ожидание перемен, охоты, возможно на него самого, и большого куша, если удачно сложится его охота. Он не оборачивался. Что он оставлял?

Вечно пьяного отчима и пару друзей. Первый полностью стерся из памяти, он не вспоминал его ни разу, как покинул город. Друзья ждали его и сейчас. Егерь и Дикий.

Лекс получил сполна и приключений, и денег. Он возвращался.

Теперь все будет совсем иначе. Высотки большого города надвигались на него, запугивая, указывая на его мелкость и незначительность, проверяя на прочность. Лекс снова хохот-

нул. Не на того напали. Мост кончился, он въехал в город. Телефон сразу оповестил о сообщениях. Егерь и Дикий почти одновременно скинули адрес бара, где ждали его вечером. Да, вечером они встретятся в баре. Лекс хотел развлечений, хотел выпивки и девочек, красивых молодых и разных. Цивилизация. Разнообразие. Как же он скучал по удовольствиям Большого Города последний год в своей жестокой и любимой тайге.

Удивительно, как они умудрились сохранить дружбу сквозь столько лет, невзирая на совершенно по-разному сложившиеся жизни. Вопреки географии, времени и интересам.

Они ждали встречи с ним не меньше, чем он. Они обещали ему зрелищ, разврата и реки высококачественного алкоголя.

Пришло сообщение от риелтора. Тот скинул еще один вариант квартиры и напоминал о времени просмотра. Лекс мельком просмотрел фотографии, хотя уже определился с вариантом.

Он жил в разных местах и в самых безумных интерьерах. Футуристический отель с круглой кроватью, шкафами-тетраэдрами, мокрыми стенами и коврами из настоящего мха. Кажется, в Японии. Пробуждение в окружении ярких красных простыней под черным глянцевым движущимся потолком повергало в состояние легкого безумия. В восточном отеле – в окружении мозаики, золота и мрамора, где гостеприимство возведено в ранг культа.

В бараке с одним туалетом на три здания и клопами размером с крысу. Где каждое утро проверка на прочность, где помойкой, именуемой кофе, запиваешь горсть антибиотиков и молишься, чтобы распухший укус не загнил.

В палаточном городке, оснащенном по стандартам американских военных, но с размахом и щедростью русских бизнесменов. Эргономичном обиталище, с пластиковыми складными туалетами и душевыми, с освещением, питающемся солнечным светом и водоснабжающей системой, пополняющей запасы из воздуха.

А последний год Лекс провел в бревенчатой, заваленной землей и прошлогодней палой листвой землянке с окнами, наполовину вросшими в землю. Единственной его, не бесполезной бытовой заботой было, чтобы грязь во время дождя не затопила его лежанку.

В общем, сейчас он хотел простора, высоты и комфорта каждой клеточкой своего тела. Он намеревался разбудить в себе сибарита, запрятанного под влиянием обстоятельств глубоко внутрь.

Риелтор сразу учуял в Лексе платежеспособного клиента, поэтому на него посыпались самые интересные варианты. Да, стоило признать профессионализм конторы и лично специалиста Сергея. Предложенные варианты предвосхищали пожелания Лекса. Сергей будто в хрустальный шар глядел.

В той квартире, которую мужчина собирался посмотреть первой, его сразу зацепил этаж и высота окон. Лекс признал

квартиру своей. Оставалось познакомиться.

– Немного необычный вариант: небольшая студия в элитке, пентхаус с панорамными окнами. Площадь всего пятьдесят метров. Квартира получилась перепланировкой соседней – трех из одной. Но зато: закрытый двор, консьерж, подземная парковка, все плюсы элитного жилого комплекса за приемлемую цену, плюс вид из панорамных окон, – речитативом произнес риелтор в аудиосообщении, комментируя фото.

Цена отнюдь не была приемлемой. За панорамность и вид накинули прилично, но Лекс ее хотел. И он мог ее себе позволить. Карточка жгла карман и в ценах, даже по ценам миллионника он мог позволить себе практически все.

– Если она не потребует ремонта и сразу можно будет въехать, другие даже смотреть не стану, – решил мужчина.

Лекс вглядывался в проплывающую мимо картину, желая щемящего чувства ностальгии. Силился узнать улицы и дома. Памятники, хотя бы массивные скульптуры должны остаться на тех же местах, они десятилетиями или даже столетиями не покидают своих пьедесталов. Но мозг фиксировал мало совпадений, смутных, размытых.

– Наверное, район новый, – решил Лекс, сдерживая разочарование.

Его новый мерс, приобретенный по случаю переезда в Большой Город, катил по совершенно незнакомым улицам. Хмурые лица, озабоченные собственными делами повышен-

ной важности, сливались в сплошной поток. Гул транспорта, звон телефонов и гомон голосов накрыли непроницаемым куполом. В нем можно было стать тонкой звенящей нотой и затеряться в общем фоне. Город стал чужим. Лекс не узнавал проспектов и домов. Пару раз не успел перестроиться в потоке, проехал не туда. Пришлось останавливаться и включать навигатор. Надо же, как все изменилось.

Он отключил кондиционер и опустил стекла. Глубоко втянул терпкий летний воздух большого города. Запах остался прежним. Все города, как и все женщины, пахнут по-разному. Этот запах он впитал с детства, он засел глубоко на ребруме головного мозга. Такое не стирается.

В каждом населенном пункте, не взирая на его размер, Лекс заводил женщину. чтобы сохранить в памяти запах. Иногда это оказывались не самые приятные впечатления – хмыкнул Лекс. Но яркие и запоминающиеся.

Здесь, в Большом городе, знакомом и незнакомом одновременно, мужчина предвкушал совершенно другое. У него будет шикарный выбор, незабываемые впечатления по вкусу, запаху и ощущениям на коже. Этот город станет узнаваем по разнообразию запахов и многообразию женских тел.

Мышцы в паху подтянулись. Лекс поегозил в кресле, снимая напряжение ткани джинсов, и нажал педаль газа. Он следил за навигатором, вливался в поток городских машин и вдыхал пыльный, прогретый, разный и восхитительный запах Большого города.

Мужчина свернул с широкого проспекта, попал в узкий проулок между старинных особняков, отреставрированных и завешанных историческими досками. Свернул еще раз, оказавшись позади новеньких высоток. Пахнуло помойкой, кисловатой и раздражающей. И это тоже было признаком большого города, не самым приятным, но обязательным. Лекс притормозил, подробнее рассматривая карту навигатора.

Краем глаза заметил движение, полускрытое мусорным баком. Сначала показалось, что ветер треплет бумажку. Тяжело прогретый воздух дребезжал. Неподвижное марево – ни дуновения ветерка, ни шевеления листьев.

Лекс присмотрелся, и к горлу подкатила тошнота. Это крыса теребила кроваво-серое месиво. Вывернутый наизнанку комок шерсти подрагивал. Мужчина отчетливо видел розоватые лысоватые лапки, обедающего грызуна, впившиеся в чужую плоть. Показалось, что слышит хруст и чавканье. Крыса ела мышь. Употребление себе подобной особенно покоробило. Тошнота опустилась в желудок и снова поползла к горлу. С трудом сглотнув, Лекс подавил ощущение.

– Обычный животный прием пищи, – сказал он себе. Когда-то у него были пираньи, и он кормил их кусочками мяса, внимательно отслеживая, какая и сколько съела, педантично следя за достаточностью рациона каждой.

А у соседа обитал кот. Обычный домашний кот, но очень

крупных размеров. Чтобы ленивая толстая животина не растеряла навыки охоты, и без разницы, что домашнему коту, не часто слазившему с дивана, эти навыки даром не нужны, сосед откармливал любимца мышами. То есть приобретал мышей в зоомагазине, с совершенно противоположной продаже целью. Не самому же отлавливать?

Лекс многократно заставал кота за трапезой. Хрустело и чавкало премерзко, но называлось это «любимец обедает». Впрочем, многие рафинированные обитатели дома только от одной новости, куда приятель таскает мышей, падали в обморок и грозили привлечь Гринпис. А вот тесть соседа, охотник, не находил в зрелище и акте питания ничего особенного. Поедание отбивной людьми считал абсолютным аналогом.

До дома с предполагаемой квартирой Лекса оставалось триста метров, вещал навигатор, а его окружало плотное кольцо домов. Здесь и речи не может быть о виде на залив.

– Похоже, риелтор соврал, – хмыкнул Лекс, выворачивая руль в нужном направлении.

Дальше его мысли не пошли. Он никогда не принимал решения заранее, не имея на руках всех вводных, полной информации. Давно убедился на опыте и усвоил – вестись на первое впечатление, на первые всхлипы кажимости, мнение общественности и проблеск подозрений выйдет себе дороже. Часто впечатления обманчивы, нагружены чужими комплексами и эмоциями и крайне далеки от реальности. Сна-

чала надо разобраться.

Через обещанные триста метров тесно, в одну полосу, проскользнув между домов, он уперся в шлагбаум.

«Если вы гость ЖК «Виджет», наберите номер 3454 с вашего мобильного, для Вас откроют шлагбаум».

Лекс хмыкнул: ну, собственником себя считать рано. Видимо, для них предназначался въезд под электрическими рольставнями, расположенный справа. Он набрал короткий номер. Припарковался на полупустой парковке. Обойдя дом, он натолкнулся на активного, улыбчивого молодого человека с тщательно уложенными волосами.

– Гель? Его сейчас еще используют? – хмыкнул Лекс, вскользь рассматривая блестящую шевелюру.

Очки без диоптрий и пиджак со слегка большими плечами, чем было бы по размеру. Да и вообще, в пиджаке сегодня слишком жарко. Юноша явно хотел казаться габаритнее, старше и серьезнее.

– Алексей? – уточнил юноша и тут же протянул руку. – Сергей.

Если не считать двух мамочек с колясками на детской площадке, то вся территория дома оказалась совершенно пуста. Мужчины возраста Лекса, готовые оплачивать квартиры в этом доме, явно должны были с остервенением трудиться. Так что у Сергея почти не было шансов ошибиться в том, кто перед ним.

Лекс коротко кивнул и предпочел побыстрее оказаться в

прохладе подъезда. Он хоть и оделся соответственно погоде, но прямые солнечные лучи душили. К тому же Лекс не любил чувство потения.

– Как добрались? Вы только с дороги? – проявлял вежливость риелтор.

– Нормально, я хорошо переношу путешествия за рулем, – в тон ему ответил потенциальный покупатель, оглядывая вылизанный, стильно отделанный самыми современными материалами подъезд. Искусственный камень глубокого фиолетового цвета с мерцающими серебряными прожилками. Цветы в одинаковых кадках, расставленные рукой опытного флориста, консьержа, чинно и деловито высиживающего в застекленном кубике, приветливо и дежурно улыбнувшегося гостям.

– Как я уже говорил, дом элитный со всеми плюсами: видеонаблюдение, консьерж, подземная парковка, закрытая территория, профессиональное и обильное озеленение, спортзал, по необходимости услуги горничной, – перечислял риелтор. – Два лифта плюс грузовой…

Они как раз заняли одну из просторных кабинок.

– То есть сюрприза в виде подъема пешком не будет, к тому же в доме индивидуальный генератор.

Лекс кивал. Он опять поймал себя на каком-то ощущении предвкушения. Словно гончая на охоте, ожидающая, что из-за кустов сейчас выскочит лиса и начнется охота. Он медленно, не торопясь, делал шаг за шагом и ощущение нарастало.

Он почти потерял нить повествования Сергея, да и смысл тоже, сосредоточенный на своих ощущениях. От голоса, озвучившего остановку лифта «двадцать шестой этаж», принадлежавшего какому-то ангелу, приглашавшему на небеса, по коже пробежали мурашки. Даже дверь лифта показалась светящимися воротами в резиденцию Господа. Что с ним? Неужели он так волнуется из-за квартиры? Что за не покидающее его чувство, что сейчас что-то случится.

Сердце громко билось, а дыхание участилось. Лекс замер, задержал воздух в груди и успокоился усилием воли. Ничего выдающегося в его жизни не происходило. И что это на него нашло?

Квартира и впрямь оказалась бесподобной. Стильная и очень удобная, эргономичная, как говорят специалисты из области интерьеров. Пространство точно создавал дизайнер. Темно-зеленые насыщенные травяные оттенки удачно перекликались с темным серым камнем и деревом. Яркая, похоже, вручную разрисованная стена за изголовьем просторной кровати. Тоже растительный рисунок в зеленых тонах.

– Как видите, пространство абсолютно жилое, вся мебель и техника остаются и даже посуда и кое-что из текстиля, – озвучивал Сергей. – Подождите, не открывайте шторы, я продемонстрирую вам сложное освещение.

Риелтор поиграл кнопочками на пульте и комнату озарили разномастные светильники.

– Подсветка пола в стиле спа-концепции, рассеянный свет

того самого оттенка и интенсивности, который дает возможность дойти до нужного объекта в темноте и не оступиться, но при этом не воздействует на мозг пробуждающе. То есть, встав ночью по надобности, по глазам не резанет, вы не проснетесь полностью, но сделаете, что хотели и уснете крепким сном.

Лекс выказал восторг. Освещение удивляло.

Квартира обладала набором всех необходимых функций для комфортной жизни одного человека. Вещевой шкаф оказался удачно спрятанным в нише и тоже весьма удобным и просторным. Лекс ходил по жилищу, представляя, как будет здесь жить, примеряя пространство на себя.

– Кухня маленькая, но современно оснащенная. Готовить для семьи не получится, но для одного человека что-то разогреть, сварить кофе – вполне.

Лекс шагнул к окну, спеша, наконец, раскрыть портьеры, но взгляд поймал собственное отражение в стене.

Эта стена стеклянная? – Лекс провел по гладкой поверхности рукой.

– Да, и она… это стена ванной, – Сергей почему-то смутился.

Лекс зашел в ванную и восхищенно причмокнул.

– Ого!

Через стену открывался вид на всю квартиру. Никакого чувства уединения. Или наоборот, уединение и комфорт по всей квартире. Расширенное личное пространство. И самое

примечательное – стена прозрачна в обе стороны, а не как в некоторых туалетах Европы. То есть из спальной ванная виднелась в полном объеме. Квартира планировалась, как пространство для одного.

– Согласен, впечатляет, – кивнул риелтор. – Особенность квартиры. Так сказать, чтобы можно было отлучиться по туалетным делам и приглядывать за яичницей на плите.

Лекс засмеялся, не то от восторга, не то от удивления. Пожалуй, даже восхищаясь смелостью хозяина квартиры.

– Тут не за яичницей приглядывать можно, тут в окно с унитаза смотреть, – хмыкнул Лекс.

— Кроме того, в ванной комнате каждый сантиметр пространства устроен продуманно и грамотно. Столешница из обработанного дерева, большое зеркало. Ящики для белья и стиральная машинка спрятаны за панель, в доме, кстати, есть прачечная. Душевая перегородка из безопасного стекла, многофункциональная душевая стойка: тропический ливень, туман, закрученная струя, даже цветотерапия.

Лекс вышел из ванной, прошел к окну и широким жестом, наконец, раздвинул шторы.

В глаза ударил свет. Золотое сияние ослепило. Блеск воды на солнце затмевал глаза.

– Вид, – прошептал риэлтор за спиной, точно дьявол, искушающий грехом. – Как я вам и обещал.

Сквозь золото проступил мост с непрекращающимся потоком машин. Крыши домов. Силуэты людей едва угадыва-

лись внизу. Мерцающие блики воды.

– Я беру эту квартиру, – у Лекса появилось чувство, что он заполучил желанную игрушку в магазине.

– Если внесете предоплату сегодня, то сразу получите ключи, – Сергей сменил тон дьявола на деловой и безразличный. – Я объяснил Вашу ситуацию хозяйке, она не против. Нет никакого смысла тратить деньги в гостинице. Въезжайте сразу сюда.

– Хозяйка? Здесь жила женщина? – Лекс снова удивился. – Интерьер очень мужской.

– Да, взрослая женщина за пятьдесят. Говорит, это квартира ее мечты. Она дизайнер по свету. Все придумывала здесь сама.

– И что заставляет ее продать квартиру своей мечты? – Лекс не мог оторвать взгляда от вида за окном.

– Замужество. Она выходит замуж за иностранца и уезжает, – Сергей выговорил каждое слово отдельно. Он ждал решения Лекса. Лекс считал дело решенным.

После пары звонков, десятка подписей и одной оплаты в приложении приличная сумма перекочевала на карту взрослой женщины за пятьдесят, а связка ключей в руки Лекса.

– Поздравляю с удачной покупкой. О времени сделки в регпалате сообщу.

Сергей исчез, тихонько притворив за собой дверь.

Лекс, как завороженный, замер у окна. Казалось, город выставился перед ним словно в витрине, красовался и же-

лал понравиться. Сверкал рябью воды, привлекал внимание гудками машин, рисовал узоры улиц. Лекс одобряюще улыбнулся. Да, Город ему нравился.

Он с трудом оторвался от зрелища, возвращаясь к делам. Надо спуститься за сумкой, переставить машину на парковочное место под номером квартиры, потом принять душ и где-то пообедать.

Он не привык быть бездельником с утра до вечера. Мозг, обеспокоенный праздностью, то и дело вскидывался, заставлял вспоминать не забыл ли что-нибудь, не пропустил ли какие-то важные дела.

Нет, Лексу еще почти два месяца гулять, наслаждаться свободой и беззаботной жизнью. Филиал, который он приехал возглавить, будет готов к открытию только к сентябрю. Тогда и предстоит водоворот дел. Налаживание производства и сотрудничества, договора и поиск людей. Он специально приехал раньше, чтобы дать перезагрузку мозгу и передышку организму, который не видел настоящего отдыха уже года три.

Лексу предстояла совсем друга работа. Не поиск и разработка хоть и уникальных, но бездушных кимберлитовых трубок, где медведи и волки более частые гости в лагере, чем люди. Здесь его ждал совсем другой зоопарк. Хихикающие и гримасничающие мартышки, медленные и коварные питоны, вальяжные и уверенные львы, сильные и наглые кабаны. А уж каким зверем предстанет партнер или сотрудник он бу-

дет определять на месте. Мужчина готов к сражению. Он и не такое видел. Лекс пребывал в уверенности, что и в асфальтовых джунглях он окажется конкурентным, изворотливым и прозорливым. Именно за эти качества его и послали руководить процессами на месте. Проверенный неурядицами, сложностями и даже рейдерскими захватами, он на хорошем счету. Владельцы ему доверяли и даже звали в компаньоны на небольшую, но реальную долю. Лекс отказался. Уже пару лет он чувствовал, что созрел для нового рывка. Случай представился.

По новым космическим технологиям они собираются производить суперстойкое покрытие с добавлением алмазной муки. Практически любая поверхность превращается в вечную, не стираемую, гладкую и не деформируемую под температурой. В общем, космические технологии в деле. Но это пока в проекте. Лекс и прибыл покорять космос, как говорили про его сверх задачи в Большом Городе.

Ресторанчик с хорошей едой нашелся неподалеку. Лекс просто прошел вперед к заливу по неширокой улице, минуя как раз те два здания, что располагались перед теперь уже его домом, но в силу своей малоэтажности не закрывали обзор. Уютное в стиле лаунж строение с деревянными балками и каменными плитками в декоре, с панорамными окнами и летней верандой, выходящими на залив, с деревьями в кадках и ящиками цветов. Если устремить взгляд выше потока машин, летящего мимо, можно расслабляться, глядя на вод-

ную гладь и набережную. Владелец или управляющий, вышел навстречу Лексу, едва тот ступил на ступеньку ресторана. Толстяк быстро тараторил на итальянском, собственно под этим национальным брендом выступало заведение, хотя Лекс не сомневался, что родина гостеприимного хозяина солнечная Армения.

Лекс и оглядеться не успел, как оказался за небольшим столиком в окружении благоухающих цветов и с меню в руках. Цыпленок Парминьяно, целый таз салата и панини составили Лексу наивкуснейшую компанию.

Мужчина чувствовал себя котом, объевшимся сливок и развалившемся на солнце. Светило давно перевалило за полдень и, не ослабевая стараний, накалило воздух и все предметы вокруг. Асфальт, бетон, стекла и автомобили сами превратились в грелки и активно отапливали пространство. Гости ресторана не спешили покидать ловушку зеленой террасы и приятной прохлады тени. Появлялось желание еще что-нибудь съесть или выпить, лишь бы не выходить в пекло.

Лекс не любил сладкое и пока еще не хотел алкоголя, точнее берег желудок и голову для вечера, но хозяин уговорил его на джелато. Знаменитый итальянский десерт из мороженого.

Он не уловил, как стремительно перешел от ленивого ковыряния ложечкой до облизывания остатков с донышка тарелки.

– О! Что мои глаза видят! – заголосил толстяк на ломан-

ном русском. – Я рад одновременно и огорчен. Огорчен, потому что можно подумать, это была самая последняя еда в моем ресторане! Ресторан без еды! Позор на весь город! Но нет же! На кухне полно самой разной еды и повара приготовят самые изысканные блюда по первому требованию! Нет! Не надо облизывать тарелки. Сейчас же появится на столе любой Ваш каприз.

Толстяк активно жестикулировал и менял одну гримасу на другую. Изображая то огорчение, то радость, то недоумение. Смущенный Лекс старался улыбаться широко и непринужденно, сохраняя лицо и делая вид, что тоже веселится. Практически все столики веранды занимали гости, несмотря на промежуточное время, обед уже был давно, ужинать еще рановато. Многие посетители видели конфуз Лекса и добродушно улыбались.

– И я рад. Несказанно рад, что лично лицезрел эту сцену, потому что она свидетельствует о вкусе моих блюд! Повторить? – хитро предложил Джованни. Лекс и не подозревал, что взгляд взрослого человека может быть таким лукавым и веселым.

– Да, – выдохнул мужчина с улыбкой. – И еще панини.

Довольный толстяк чмокнул сложенные в щепотку пухлые пальчики и укатился под сень кафе.

Лекс ждал заказ и прикидывал, что еще успеет сделать до встречи с друзьями. Наверное, ему следовало зайти в какой-то хозяйственный магазин и купить что-то для обу-

стройства быта. Но лень и обжорство окончательно сморили, он мечтал о сне. Часа на два.

Мужчина не запомнил, как снова вернулся в свою квартиру, как рухнул на кровать. Когда проснулся, солнечный диск почти потонул в реке. И город зажег свои собственные светила – ослепительные, разноцветные, танцующие – ночные огни. Нет ничего ярче, призывнее и обманчивее, чем ночная иллюминация города. Эффектные, затмевающие все, обещающие неслыханные развлечения и райские наслаждения, они влекут, манят и обманывают, словно мираж в пустыне. Лекс смутно помнил, что такое жизнь ночного города. И он снова поймал себя на чувстве, что появилось еще утром. Волнение, предвкушение, ожидание. Нет, это был не Большой Город, и даже не квартира, что-то другое.

Он взлохматил волосы и потряс головой. Не то для того, чтобы окончательно стряхнуть сон и взбодриться, а может, чтобы обрести реальность и избавится от навязчивых мыслей.

Душ, свежая футболка и джинсы. Все. Он готов развлекаться. Немного пришлось покопаться в интернете для поиска такси. Ну, не на собственной же машине ехать к водопаду алкоголя.

Глава 4

Лекс не любил чужие машины, особенно безликие такси. Пространства, в которых хозяином являлся другой человек, которые хранили чужие запахи, чужие отпечатки. Как там сообщают следователи? Обнаружены потожировые… Вот Лекс не хотел их обнаруживать. И уж тем более на себе.

Он сел на пассажирское сиденье, стараясь как можно меньше дотрагиваться до инородного пространства. Чувствовал себя скованно, назвал адрес бара.

Перед лобовым стеклом потянулись густо освещенные проспекты, потоки автомобилей, размытые пятна фонарей, потом темные переулки, отблески окон и вывесок. Таксист рассуждал о преимуществах митсубиси перед корветом – ни тебе мешок картошки загрузить, ни навоза.

Лекс с ухмылкой вспомнил, что таксисты обычно ворчат на пассажиров, дескать, те слишком разговорчивы, стремятся выговориться и оставить в салоне такси свои проблемы и негативные эмоции. От этого труженики извоза устают неимоверно, требуют повышенной оплаты за услуги психолога и молоко за вредность.

На деле Лекс припоминал лишь пару таксистов, которые бы стремились к молчанию. Большинство несут содержимое своих мыслей в массы, даже если массы вообще не в теме и не проявляют признаков жизни.

Когда машина остановилась, Лекс не сразу понял, что пришло время выходить. Слишком темным оказался переулок, неоновая вывеска вещала «Сток» и дрожала разноцветной змейкой рисующий бокал для мартини. Казалось, сейчас она мигнет и погаснет.

– Приехали, – подтолкнул таксист к решению.

В двери бара постоянно кто-то заходил. Из-за какого-нибудь угла появлялся мужчина или парочка девиц и, пройдя несколько шагов, исчезали в зеве распахнутых дверей.

– Подпольный какой-то, – буркнул Лекс, по старинке рассчитавшись наличкой. Внести карточку в онлайн-приложение он не успел и, скорее всего, делать этого не станет.

– Один из самых крутых в городе, – покосился на него водитель. – Сюда без протекции и не попадешь. Надеюсь, у вас есть проходной пароль?

Таксист хмыкнул и свернул купюру, выданную пассажиром. Мысль дать клиенту сдачу его даже не посетила. Лекс тоже подозрительно покосился на водителя, удивило, что человек, минут тридцать рассуждавший о гоночных машинах с точки зрения грузоподъемности мешков с навозом, знает слово «протекция».

– Сейчас мода такая – пить вино на скотобойне, – продолжил таксист, деловито оглядывая публику, скрытую темным переулком, не ловит ли кто такси. – Избалованные все стали, рафинированных удовольствий хотят. Инсталляции, перфомансы… Конфетка уже не восхищает, а вот говно, заверну-

тое в 3D-бумажку, – да, это писки-восторги… Потом становится многолюдно, развлечение входит в разряд массовых, представление для плебса и таким образом теряет свою привлекательность. Желающие удовольствий для избранных отправятся искать новую скотобойню и новый сорт вина.

Лекс нашарил ручку на двери. Мозг окончательно завис, слушая экзистенциальные излияния таксиста, будто ему гадали на хрустальном шаре, и провидец вдруг заорал голосом ушедшего на тот свет.

– Ну и денек, – встряхнулся он, наконец, справившись с ощущениями. Через секунду он уже забыл о философствующем таксисте, его, как бабочку к фонарю, повлекло в сияющий проем бара. В ярком золотом портале один за другим исчезали люди. Такие же бабочки, как он.

– Вас кто-то ожидает? – вежливо, но непреклонно поинтересовался у него секьюрити. Прекрасно удавшаяся попытка заставить Кинг-Конга выглядеть, как Джеймс Бонд. Лекс едва вступил из темени ночи в зарево золотого света. Он щурился. Глаза не сразу привыкли к новому освещению, хотя в клубе царил полумрак и какие-то непонятные блестки кружили перед глазами. Представитель службы безопасности проступал из золота стеной.

– Меня Егерь пригласил, Егор Константинович Хромов, возможно, он уже здесь, – сообщил Лекс, борясь с желанием потереть глаза.

– Проходите, – громила потерял к нему интерес и сосре-

доточился на следующем госте.

Лекс медленно, рассматривая все вокруг, пошел вперед. Диваны, столики, крутящиеся сцены с шестами и без, красивые девочки, извивающиеся под музыку, расслабленные и довольные гости. Все сверкает и блестит. Ничего сверхособенного он в баре не нашел. Ну, может быть, кроме площади. Помещение казалось большим и просторным, вопреки ожиданиям, внушенным вывеской. Скорее ночной клуб, не бар. И атмосфера удивительно расслабляющая, дарящая ощущение беззаботной рыбки, плавающей в золотой воде. Блестки и блики кружили в воздухи, в глазах ослепительно сияли и медленно таяли точки. Во всяком случае, никакого трэша и хоррора, никаких распитий алкоголя на скотобойне, как обещал ему таксист.

Даже кровавый цвет в интерьере не присутствовал.

– Мы вас очень ждали, рады, – улыбнулась девушка, стремительно вышедшая на встречу. Она открыто улыбалась, будто и правда он осчастливил ее своим присутствием, только его она и ждала. – Для вас заказан столик, но ваших друзей пока нет, возможно, вам захочется посидеть сначала за стойкой бара, – предложила администратор. Она сияюще улыбалась, отличалась необыкновенной красотой даже в простом черном платье, и появлялось устойчивое ощущение, что ему здесь рады. Несказанно рады.

– Да, пожалуй, за стойку, – согласился Лекс, теряя чувство реальности.

– Осмотритесь, для вас открыты все залы, – не переставала улыбаться девушка.

Он практически не заметил, как она поставила ему на руку печать краской, видимой только в лучах ультрафиолета.

Лекс решил осмотреть клуб позже, возможно, с «экскурсоводами» Егерем и Диким, а пока оказался за ближайшей стойкой.

– Текилы? – сорвал бармен у него с языка.

Лекс коротко кивнул. Действительно, удивительное заведение, может, они тут мысли читают?

Перед ним, как по волшебству (рук бармена он не заметил), возник шот и крошечная тарелочка с лаймом и солью.

Лекс выпил. Приятное тепло потекло по телу. Ребята опаздывали. Лекс желал наслаждаться жизнью. Еще шот и, развернувшись на стуле, он принялся рассматривать девочек. Пока без каких-либо планов. Чисто эстетическое удовольствие. До чего хороши!

Таких идеальных тел и лиц, казалось, просто не может существовать. И при этом они все разные. Никаких нарисованных бровей, обколотых губ, вставленных грудей и скул. Абсолютно естественная красота, разная, как сама природа.

– За приватом вон к тому парню в красном, – шепнул бармен, проследив за взглядом Лекса, и выставил еще один шот. – У нас свободные нравы и почти любые капризы.

– То, что нужно, – кивнул Лекс.

В общем-то, он не был свихнувшимся на женщинах сам-

цом. Не чувствовал вкуса к охоте, не горел победой, он вообще воспринимал все не так. Обычно у него были стабильные отношения с одной женщиной. Ему нравились эксперименты с женским телом, он кайфовал от удовольствия, которое дарил. Для подобного наслаждения потребуется время. Тут случайным перепихоном не отделаться. Девушку нужно узнать, привыкнуть и желать, изучить реакции тела и кожи, настроиться на вкус и ритм. Лекс считал себя ценителем, он мешал в один омут эстетическое и тактильное удовольствие, сексуальную эйфорию.

Но сейчас мужчина не узнавал себя, он, как Винни-Пух на пасеке, хотел всего и побольше. Наверное, сказывалась энергетика Большого Города, обещавшая все удовольствия разом и вселенский разврат. Здесь было, где разгуляться. Сегодня ночью он точно не останется один. А может быть, и вдвоем не останется.

Забавная мысль закралась в голову и щекотала нос соблазном.

– Но какого черта эти оболтусы тянут? Опаздывать и сразу вдвоем. – Лекса немного покоробило, что они не спешили на встречу с ним. Поле стольких лет и дикого желания встретиться.

Они не потеряли связь. И хотя за эти семнадцать лет они виделись всего несколько раз и никогда втроем, дружба ценна по-прежнему. Егерь однажды даже приезжал к нему в Сибирь. Шокировано кутался в ворох одежды, закрывал шар-

фом все лицо, матерился и грозился посадить Лекса за любое вымышленное преступление, если отморозит яйца.

С Диким они пили и гуляли в Париже.

– Засранный голубями и вонючий, – сделал вывод друг. – Никакого желания влюбляться.

Впрочем, они столько коньяка выпили, что шансов даже на просто секс не было. Повезло, что не угодили в полицию.

Почти все их встречи оказались случайными, кратковременными и между делом. Сейчас все пойдет по-другому. Дружба, наконец-то, получит статус «реал». Они долго ждали. Трое, сплетённые одной нитью разбитых коленок и синяков, первых поцелуев, первого секса и первого убийства.

Он, как сейчас, помнил день, когда покидал город. Ребята не отговаривали. Бесполезно. Всего лишь по-детски поклялись навсегда остаться друзьями. Клятву исполнили. Хотя жизнь у всех сложилась по-разному.

Дикий (Денис Маратович Блатт) занимал приличный пост в компании своего отца. Если не правая рука, то левая. Полномочия первого заместителя и советчика оттяпал старший брат Макс. Он образу бизнесмена соответствовал больше. Серьезный, ответственный, жесткий и предприимчивый.

Дикий и легкомысленней, и проще, и мягче брата. Человек-радуга, человек-праздник. Красивый, спортивный, мужественный. С волосами цвета воронового крыла и серыми ясными смеющимися глазами. Его не портил даже шрам через щеку, полученный ещё совсем пацаненком в середине

90-х. Его постоянные любовные приключения вряд ли положительно сказались бы на образе управленца большой компанией. Никакой стабильности и уверенности он пообещать не мог.

В общем, ни Егерь, ни Лекс так и не поняли, чем в компании занимается Дикий. Зам по общим вопросам, называл он себя.

С Егерем (Егором Константиновичем Хромовым) наоборот, все слишком серьезно. Полковник ФСБ. Следователь по особо важным делам.

Государственная безопасность. Уже лет пять работающий исключительно по специальным заданиям. Сам он шутил, что гриф «секретно» получают такие же дела, как и дела про дворника Васю, в пылу пьянки прибившего сожительницу Маню, только в лице Мани и Васи депутаты и дочки послов.

Внешность Егеря говорила сама за себя: широкоплечий, мускулистый, напористый, будто сдерживающий свою силу. Тигр, готовый к прыжку. Впечатление не сгладить ни классическому пиджаку, ни форме. Массивный волевой подбородок, жесткий, цепкий и ледяной взгляд. Под таким становится настолько неуютно, что цвет глаз уже не играет никакого значения. Среди его коллег ходили легенды, что одного этого взгляда достаточно, чтобы преступники начинали исповедоваться во всех своих грехах.

Лекс еще успел застать их свадьбу с Веркой. Поспешную, малолетнюю, по залету. А вот развод он пропустил. Впро-

чем, гостей на это событие и не зовут.

Он сам? Алексей Анатольевич Лесовский. Коммерческая служба безопасности. Обеспечение корпоративной защиты на всех уровнях. Пошатался по всему земному шару. Китай, США, Сомали, Африка, Бейрут… Чего только не было в его биографии! Служба безопасности добычи кимберлита иногда расследовала такие задачки, что мозги приходилось напрягать, как бицепсы под штангой, а засекреченность похлеще Егеря. Вот только леса, джунгли и пустыни настоящие, не городские. Он никогда не задумывался, какое впечатление производит внешне на людей, что его видят впервые. В нем не было ни яркости и помпезности Дикого, ни ураганов, разрывающих Егеря. А что было в нем?

Мысли Лекса скакали друг за другом. Он то вспоминал молодость, то останавливал взгляд на какой-нибудь стройной оголенной фигурке. Еще один шот текилы. Где черти носят этих двоих?

Мурашки по коже пошли еще до того, как он понял отчего. Его накрыло волной, тяжелой и тягучей, парализовав движения, сдавив дыхание. Она. На небольшой вертящейся сцене по центру комнаты танцевала девушка. Еще не танцевала, пока сделала несколько шагов на высоченных шпильках вокруг шеста. Но от одного взмаха волосами, от легкого движения плечом и бедрами по залу поплыли флюиды. Токи предвкушения и обещания чуда. Лекс подался вперед, словно обезьянка, парализованная танцем удава, не в силах ото-

рвать взгляда от хрупкой фигурки. Он и не пытался.

Короткое белое платье, в какой-то смешной цветочек, маки, кажется, будто живое обнимало стан. Часть живота и спины с правого бока голые. Платье казалось детским, нарочито лишенным сексуальности. Но великолепие женского тела не могла бы скрыть и роба. В каждом движении, в каждом па, в каждом трюке импульс чистого секса и желания. Она скользила спиной по пилону, раздвигая ноги, и Лекс сглотнул полный рот слюней. Фантазия уже подарила ощущение шелковистости ее кожи под пальцами и языком. Девушка взвилась по шесту верх, будто сила тяжести на нее не действовала. Словно за спиной порхали невидимые крылья. Она летала вокруг хромированной палки. На одно мгновение распахивая ноги, загорелые и стройные, длинные и сильные. На секунду открывались очень-очень маленькие шортики. Сердце подпрыгнуло к горлу и бешено застучало, готовое выскочить. По телу разливались волны удовольствия. Копна пепельно-медовых волос, словно пожар, металась за белым платьем в цветочек. Лексу нестерпимо хотелось подойти ближе, но пошевелиться он не мог. На сцене кружил ураган и его засасывало в воронку. Джинсы на мужчине топорщились, грозя разорваться. Но совладать с собой он не мог. Танцовщица прильнула волной к шесту, резкий выпад бедром, жесткое приземление на каблуки. У Лекса комната плыла перед глазами, четкой и вообще существующей, в его реальности оставалась только девушка на шесте.

Сухость во рту. Резкий и удушливый сладкий запах, Лекс, не оборачиваясь и не сводя взгляда со сцены, потянулся за стаканом, услышал приглушенный звон разбитого стекла. Его вело и кружило в ее танце, он поймал взгляд танцовщицы. На него одного, прямо в глаза и глубже, вовнутрь. Его поразило молнией. Глаза синие? Нет, фиолетовые, с адскими огоньками. Нет, не бывает фиолетовых глаз. Глаза танцовщицы становились больше и туманнее, поплыли красными пятнами маков на белом платье. Вокруг плясал цветной хаос. Музыка сменилась. Потекла ровно и ненавязчиво. Сцена опустела. Вернулся зал ночного клуба.

Лекс сглотнул и порывисто вздохнул. В паху налилась пятикилограммовая гиря не иначе. Он даже опустил взгляд, проверяя, не кончил ли он в штаны. При всем желании Лекс еще долго не сможет встать. Впрочем, ноги его не слушались даже чтобы развернуться к стойке. О походе в туалет речь не шла. У его ног сотрудник с логотипом бара на футболке буднично сметал осколки стакана в совок. Он поднял взгляд на Лекса и понимающе улыбнулся.

– Первый раз, бывает.

Лекс окинул взглядом мужчин в зале. В странноватой позе, ссутулившись и держа руку внизу живота, с безумным отсутствующим взглядом сидели все. Бармен вложил в руку стакан с выпивкой. По запаху – виски.

– За наш счет, – на губах бармена играла понимающая улыбка.

Лекс выпил залпом. Отпускало. Почти. Так казалось. Лекс шарил по залу взглядом. Он искал девушку. Не могла же она испариться?

– Чувствуешь, что тебя только что трахнули? Так оно и есть… – уборщик хохотнул и удалился.

Лексу казалось, что его вывернули наружу из его шкуры, протрясли и запихнули обратно.

Его одолевал целый вихрь ощущения. Он будто прислушивался к чужому человеку, не к себе. Что-то произошло. На смену удовольствию, удивлению, эйфории, пришло едва заметное беспокойство, закравшееся ему в душу. Желудок сжался, предвидя опасность. Лекс мотнул головой и жестом велел бармену налить еще. Сегодня он какой-то мнительный. Не похожий на себя. Прислушивается к ощущениям, пытается разглядеть знаки.

– Как ее зовут? – спросил он у бармена.

Тот захохотал, взгляд стал сочувствующим:

– Лика.

На барной стойке телефон зажег экран. Егерь. Сообщение содержало лишь адрес. Приезжай.

Лексу стало как-то неприятно. Мурашки побежали по спине. Во рту появился привкус горечи. Подобное сообщение ничего хорошего не предвещало. Но дозваниваться он не стал. Выпил еще шот и вызвал такси.

На улице с него спали все наваждения. Люди разговаривали и суетились, машины шелестели шинами по асфальту.

Обволакивал прелый, душный ночной воздух города. Жизнь не замирала ни на миг. Лишь где-то в глубине сознания девушка в белом платьице продолжила крутиться на шесте, будоража кровь.

Глава 5

По адресу, скинутому Егерем, оказался жилой дом. Новый, с парковкой и закрытым двором. Взгляд упал на две полицейские машины. Водители мирно курили и разговаривали. Еще бээмвэ. Без мигалки. Ни у одной из машин не горели проблесковые маячки. Но беспокойство уверенно зашевелилось в желудке. Лекс попытался глубоко вздохнуть, не получилось. Костяшки пальцев ломило, как в момент предчувствия беды. Ледяная испарина покрыла лоб.

Навскидку квартира должна расположиться этаже на шестом или седьмом. Точно, седьмом. Лекс угадал.

Дверь широко распахнута, суетились люди. Какая-то тетка в стеганом халате заламывала руки и всхлипывала. Немолодая бабенка с хорошей фигурой, затянутой в спортивный костюм, курила и закусывала губу.

– Хороший же мужик, – кинула она в никуда, когда Лекс проходил мимо, и зацепилась оценивающим взглядом за него.

– Сюда нельзя, – гавкнула на него жопастая тетка в форменной юбке и рубашке. Полиция работает! Не видите, что ли? – Здесь совершено…

– Он ко мне, – на пороге возник Егерь. Лекс узнал его сразу, несмотря на картинку, слегка не совпавшую со скайпом.

– Вы, Егор Константинович, выходите за рамки, – недо-

вольно буркнула тетка, но посторонилась, пропуская Лекса. – Все-таки идут следственные мероприятия, тут улики…

– Пусть идут, – не глядя на нее, буркнул Егерь. Он обнял друга и, ничего больше не говоря, повел его в темные внутренности квартиры.

– На улице полицейские машины, но мигалки не включены… – зачем-то сказал Лекс. Будто цепляясь за эту деталь, как за спасительную соломинку. Ведь если полицейские машины не трубят об опасности, полыхая мигалками, значит, все в порядке, ничего не случилось. Внутри Лекса все похолодело. Он чувствовал, как дрожь подбирается к рукам, горлу и коленям.

– Это в кино показывают тучи полицейских машин, сирены, проблесковые. Ну, или в Америке так. У нас иллюминацию только если очень нужно светят. И так весь двор все знает. Журналисты, небось, уже по клавишам долбят, сенсацию добыли.

Лекс протиснулся сквозь столпившихся людей, следом за Егерем. Что он тут делает? Что они тут делают? Где Дикий? Они должны сидеть в шикарном клубе, получать удовольствие от девочек, музыки и выпивки. Он пролез между двух пузатых полицейских, обсуждавших с какого пива меньше болит голова – с темного или со светлого. От них разило потом и пивом, видимо тем, от которого меньше болит голова. Лекс поморщился, резко оказавшись на ярком свету. Спина Егеря отодвинулась в сторону.

– Что это? Труп? – Лекс нахмурился. Он вообще ничего не понимал. Странное место выбрал Егерь для встречи.

– Строго говоря, два, – Егерь облокотился на стену и кивнул в сторону кровати.

Глаза Лекса еще не привыкли к свету. Большая, ярко освещенная и светлая по интерьеру спальня с минимальным количеством мебели, так что огромная кровать представилась сценой. На кипенно-белых шелковых простынях, развалившись поперек, словно на отдыхе лежало тело обнаженного мужчины. Лишь голова как-то неестественно скатилась в ложбинку между двух подушек, раскиданных по кровати.

– Трупа два, один здесь, другой на кухне, – уточнила молоденькая барышня в прозрачной маске, опущенной на лицо и белом халате, поверх джинсов. Она внимательно изучала Лекса почти бесцветными голубыми глазами, лукаво улыбалась, перебирая в руках инструменты, щипчики, кисточку, пробирку.

В другой ситуации Лекс непременно бы заметил, что она хорошенькая и флиртует с ним, но сейчас он оторопело смотрел на труп. Мускулистое обнаженное мужское тело, выставившее на показ смятые половые органы, нестерпимо резануло по глазам. Зрелище поражало каким-то неприличием. Не обнаженкой, а всей сценой. Беспорядок на кровати, скомканное у спинки одеяло, раскиданные подушки. Будто они не вовремя зашли и помешали людям сексом заниматься. Лекс невольно отвел взгляд и усилием воли заставил се-

бя снова взглянуть на тело. Он рассеянно отмечал идеальный, явно из солярия, загар, приглушающий даже трупную синеву, гладкий торс и ноги. Эпиляция. Ого! Мужик с эпиляцией тела. Рядом с кроватью валялись дорогие брендовые трусы и часы. Хмыкнул, вспомнив дурацкую песенку: «По утрам, надев трусы, не забудьте…» Егерь смотрел выжидающе и спокойно.

Взгляд Лекса упорно обходил лицо, прикрытое полудлинными разметавшимися волосами цвета вороного крыла. Лекс сделал пару шагов, обходя кровать, чтобы рассмотреть лицо мужчины.

– Твою мать! Это Дикий! – Лекс отшатнулся, потом дернулся вперед. – Какого черта?!

Он захлебнулся словами или криком, закашлялся. Снова рванул к другу, колени подкашивались. Егерь схватил его за плечо, потянул на себя, не дав рухнуть на колени. Вся краска сошла с лица Лекса.

– Как? Что случилось? Почему? – не своим голосом произнес он.

Егерь смотрел в сторону. Лекс скользил взглядом по квартире и по людям. Почти все были или в полицейской форме, или в медицинских костюмах. Полиция и эксперты работали на месте преступления. Это место преступления? Дикого убили? Он страшился взглянуть еще раз на тело друга. Он не видел крови. Простыни ослепляли белизной.

Дикий просто лежал, будто прилег отдохнуть. Лекс вы-

рвался из рук Егеря и принялся расхаживать по квартире. Он не находил себе места, не мог остановиться, успокоиться, замереть. На него смотрели с любопытством и сочувствием.

Лекс вспомнил, что метаться по месту преступления нельзя. Он затаптывает улики. Мужчина замер. Вопрошающе уставился на Егеря, но натолкнулся на совершенно пустой и холодный взгляд. Друг кому-то махнул рукой. Помещение почти опустело. Полиция покидала место преступления, на месте оставались только эксперты-криминалисты. Лекс, наконец, взглянул на Дикого еще раз. Присел на корточки рядом. Густые волосы спадали на лицо. Осторожно, не касаясь тела, Лекс отодвинул их. На губах друга застыла улыбка. Без сомнений тело было безжизненным, мертвым, но улыбка. Она просто сияла, обнажая белые зубы. Он еще ни разу в жизни не видел улыбающийся труп. А тут эйфория, блаженство.

– Он что? Умер от счастья? – Лекс и не заметил, как высказался вслух.

– Эту версию мы рассматриваем, – цинично заметил Егерь – Все, пакуйте.

– Твою ж мать, – брякнул Лекс и пошел на кухню. Ему срочно нужно выпить. Он отказывался смотреть на то, как его друга пакуют в пакет.

– Какого! Да что это?

– Стой! – кинул в след Егерь.

Лекс замер в проеме двери, ведущей в кухню. Его пошат-

нуло от ужаса и красоты зрелища. Он до белизны костяшек вцепился в косяки.

Егерь уже видел то, от чего Лекс застыл, словно пораженная жена Лотта.

На сетке, растянутой между ажурной перегородкой, фальш-стенкой, отгораживающей кухню от мини спортзала, и опорой шведской стенки (кухней Дикий почти не пользовался, а вот за формой следил с тщанием модели) висела оплетённая веревками обнаженная девушка. Мертвая обнаженная девушка. Ноги сдвинуты вместе, слегка согнуты и обвязаны плотно, словно катушка ниток. Переплетенные красивыми узлами и дорожками, веревки проходили через живот, наподобие бюстгальтера оплетали грудь, оставляя ее голой, опутывали шею. Тело неестественно луком выгибалось назад, руки связаны и заведены за спину. Темные волосы девушки падали вниз, прикрывая лицо. Но Лекс рассмотрел выражение лица. Панику, ужас, страх.

Эксперты уже работали над тем, чтобы снять труп, но Лекс успел оценить смертельную эстетику неестественной красоты. Картина будила какие-то низменные чувства, возбуждала сексуальностью, поражала красотой, восхищала сложностью. От осознания этого вспыхивал стыд и чувство вины.

Молоденькая судмедэксперт, недавно флиртовавшая с ним, молча подала ему стакан. Водка. Очень хорошая водка. Дикий пил только водку и всегда самую дорогую.

Происходящее казалось странным, жутким и несуразным. Что за дурацкие обстоятельства смерти. Счастливый труп и связанная девчонка. Он одним махом выпил водку и, облокотившись на стену, огляделся.

Стильная, просторная, без лишней мебели квартира. Дикий жил роскошно и стильно. Он весь был в своей квартире. Изысканный минимализм с неброским стильным шиком. Комфорт и роскошь в одном флаконе. Лекс только сейчас заметил на полу белые цветы. Крупная, крупная сирень. Белые зонтики с большими нежными лепестками. Лекс уловил свежий цветочный аромат. Наверное, преступник или полиция уронили вазу с цветами и те разлетелись по комнате. Но ни разбитого стекла, ни воды он не нашел. И стебельков не видно, только цветы.

– Пойдем, выйдем на воздух. Здесь больше делать нечего, – услышал Лекс глухой голос Егеря и словно робот потопал за ним. У самой двери он присел на корточки и подобрал белый цветок. Оторопело повертел его между пальцев. Вдохнул запах сирени.

– Или вторая жертва принесла, или убийца, – прокомментировал Егерь. – У Дикого аллергия на цветы.

Лекс кивнул. Он совсем об этом забыл. Его слегка замутило. Ощущая запах сирени, он сложил цветок в карман джинсов.

Глава 6

Едва над круглым подиумом мерк свет, и раздавались первые вкрадчивые звуки, по телу Евгения Викторовича пробегали мурашки. По толстому, неповоротливому липкому телу. В складке под животом и на спине мгновенно увлажнялось, ручейки пота текли вниз, пачкая рубашку. Евгений Викторович тонул в поту и презрении к себе, но трепет и восторженное предвкушение наслаждения глушили все. Каждый раз он безошибочно определял, когда она выйдет на сцену. Именно она. Его Диана. Даже когда она меняла программу и музыку. Он знал о ее выходе, по теплой волне счастья, что накатывала на него, предвещая неземное удовольствие.

Медленно-медленно, вытягивая каждое движение, наслаждаясь собственной красотой и сексуальностью, темноволосая, коротко стриженая Диана змеей извивалась вокруг пилона. Белоснежная фарфоровая кожа, покрытая золотыми блестками, мерцала в луче света, а легкая улыбка играла на влажных приоткрытых губах.

Евгений Викторович таял. Растекался по креслу, не в силах оторвать от своей любимицы взгляда. Впрочем, он и не собирался. Ровно три раза в неделю он приходил в этот крутой и пафосный бар только за одним: чтобы вот так вот умирать от наслаждения в протертом озабоченными задницами кресле и стремглав унестись в туалет, едва темень вновь по-

глотит изящную фигурку. Стремглав – громко сказано. Грузное неповоротливое тело на ватных, еле шевелящихся ногах, неимоверным усилием воли докатывалось до заветной кабинки, едва справляясь с тошнотой, обуревавшей Евгения Викторовича от неприязни к себе и стараясь не кончить в трусы. Иногда это с ним случалось, до кабинки он не добегал.

Тогда он не смел показаться Диане на глаза, он позорно сбегал, но, когда ему сопутствовала удача, он просил провести его в комнату привата и давал девушке щедрые чаевые. Подходя близко к ней, он старался запомнить, сохранить в себе ее запах, ее взгляд, ощущения, возникающие рядом.

Приват он не заказывал никогда. Такого ангела, как его Диана хотелось оберегать от любых невзгод и неприятностей, радовать, баловать словно ребенка. Даже от мысли, что он заставит ее делать что-то унизительное и грязное, его начинало тошнить. К горлу подкатывал ком, и руки тряслись в бессильной злобе. Да, танец за деньги для такого жирного, потного и противного борова как он, он считал унижением. А Евгений Викторович не мог представить и малейшего насилия над ней. Разве такая девочка, красавица, неземное создание захочет радовать его? Если только за деньги? Он не хотел, чтобы она была с ним за деньги. Именно она.

Снять всегда можно кого-то другого. Безликого, необязательно даже похожего. Иллюзия, что с ним Диана все равно не складывалась, даже если выбрать девушку с короткой стрижкой, похожим телом. Не то. Диана – это набор чувств.

Не просто темные короткие волосы, белая кожа и гибкость змеи. Сегодня он, например, легонько коснулся ее руки. Его до дрожи окатило волной удовольствия. В груди скрутился пылающий шар, который лучиками долго и помаленьку отдавал ему тепло. Оно грело, заставляло улыбаться.

На удивление, Диана была с ним добра. Ни разу он не заметил на ее лице пренебрежения или презрения, малейшей брезгливости. Наоборот, она щедро улыбалась, смотрела восторженными и благодарными глазами, подходила близко, почти касалась. Он отстранялся сам. Боялся разрушить хрупкое счастье. Вдруг, то, что есть, исчезнет, а то, что придет вместо него, будет не таким прекрасным, или вместо его счастья, предвкушения, чистого удовольствия не придет ничего.

Девушки подглядывали из соседней комнаты и похихикивали. За серебряной шторкой располагалась гримерка. В их глазах он видел брезгливость, жалость, неприязнь. Он на них не смотрел. Евгений Дмитриевич спешно ретировался из комнаты привата, чувствуя, как в паху снова набухает. С другими девушками у него никогда не получалось дважды, строго говоря вообще не каждый раз. Но Диана. Просто глядя на нее, он улетал на вершину блаженства. Этих ощущений хватало на всю ночь и еще следующий день. Потом он вернется сюда.

– Расцвела, покраснела будто девочка-целочка. Неужели вправду нравится этот жирдяй? Да ладно! Такой же, как и

прочие рожи! – фыркнула Лейла – темноволосая, кареглазая и полноватая девица, глядя, как Диана вернулась к своему зеркалу в гримерной и беззаботно, не глядя, кинула в сумочку крупную сумму денег, только что полученную от поклонника.

– И ты отличать от стенки мужика будешь, если тебе ни за что столько бабок отстегивать станут, – скорчила презрительную физиономию Надя, приятельница и напарница Лейлы.

– Он милый и всегда такой смущенный, – улыбнулась Диана, пожав плечами.

– Просто хочет, чтобы ты дала на шару, – фыркнула Лейла. В глазах читалась откровенная зависть.

– Ничего он не хочет, – пожала плечами Диана, не обращая внимание на завистниц. Она ответила на сообщение в смартфоне, потом взглянула на себя в зеркало. – Влюблен по-честному. Искренен, – немного замявшись добавила – Мне так кажется.

Девицы захохотали.

– В чистенькую любовь веришь? В стрип-баре? – засмеялись девушки. – Он толстый мерзкий боров, потный и противный, как объевшийся слизень, который того гляди лопнет и запачкает все вокруг.

– Лейла, ты сама противная и жутко воняешь, когда потеешь, – изменив тон на стальной, парировала Диана, не отрывая взгляда от своего отражения. Она провела расческой

по волосам.

– Она завидует, – вмешалась Аня, маленькая и спортивная блондинка, глядя на Диану через зеркало и не переставая натягивать на себя комбинезон под змеиную кожу – Ей, чтобы лишнюю купюру получить, приходится сиськами обо всех мужиков в зале потереться, а ты три раза в неделю получаешь ее недельный заработок, просто выходя на сцену.

Завистницы скуксились и закусили губы. Хамить в ответ не стали.

Блондинка изогнулась, ловко застегнула длинную молнию. Комбинезон обтянул ее словно вторая кожа тонкой, полупрозрачной тканью. Прорези и дыры в нужных местах почти незаметно переходили в обнаженное тело. У Ани акробатический номер, здесь на одних руках далеко не уедешь. Без оголенных частей тела и открытых кусков кожи не станцуешь. Комбинезон просвечивал ее собственную кожу, блестел, переливался даже в простом и мутном свете гримерки, казалось, она вся словно змейка. Голые бока, подмышки, рукава не доходили до локтя, под коленками тоже обнажено. Розовато-зеленый цвет костюма выгодно оттенял и волосы танцовщицы, и демонстрировал все прелести фигуры.

В зеркале возникла третья пара глаз. Повилика. Все три девушки пристально смотрели друг на друга, будто разговаривали мысленно.

По глазам можно прочитать много, но, увы, разговаривать между собой они не умели.

Лицо Повилики сохраняло безмятежное спокойствие. Она плавно прикрыла глаза, покачала головой и склонилась к Диане так близко, что волосы упали той на лицо.

– Виринея все равно узнает. Ты не скроешь его. Мы работаем не за деньги – одними губами прошептала она.

Диана нахмурилась, закусила губу. Повилика чувствовала, как подруга цепенеет от страха. В зеркале черные волосы Дианы смешались с пепельными прядями Повилики. Вместе они отливали фиолетовым и синим. Диана тряхнула головой и улыбнулась. Получилось неуверенно.

– Во-первых, деньги тоже нужны, я не святым духом питаюсь, у танцовщиц крайне дорогая жизнь, сами знаете. Во-вторых, он меня не предал. За что ему мстить? Он со мной заботлив, аккуратен, нежен. Даже приват не заказывает, – Диана злилась, раздражалась. Понятно, что она искала оправдание.

Повилика и Аня только помотали головой.

– Мне его жалко, – призналась Диана. – Он безобидный, несчастный какой-то… Вообще не такой, как все остальные мужики. И относится так…, как будто меня…

Говорила она едва слышно. Кроме них троих никто не слышал. Диана смотрела на подруг и ожидала от них поддержки.

– Любит? – Аня и Повилика договорили за нее хором. Недоверчиво переглянулись. Поморщились, будто произнесенное слово коробило неприличием.

Диана пожала плечами:

– У меня чувство, будто он любит, и любовь эта мучает его, тяготит, заставляет страдать.

– Любовь всегда заставляет страдать! Ты забыла? – фыркнула Аня.

– И напомню, что в последний раз, когда ты мечтала о любви, ты легла в могилу, – напомнила Повилика, состроив высокомерную и мстительную физиономию. Девушки засмеялись, догадавшись, кого она изобразила.

Повилика никогда не была жестокой. Не напоминала подругам в циничной манере о том, что у них на кону и каким правилам они все подчиняются. Ей казалось, это делает ее более живой и человечной. Но взгляд Дианы ей не нравился. Испуганный, ускользающий. Девушка желала сбежать и спрятаться. Повилика даже не могла сформулировать то, что уловила, что ее обеспокоило в Диане, но в воздухе витало предчувствие опасности.

– Ты знаешь цену! Готова заплатить? – продолжила Аня. Вот уж кто всегда расставляет все точки по своим местам. Надавит и уточнит ответ.

К их разговору прислушивались. Исподтишка, делая вид, что заняты своими делами, но очень внимательно прислушивались. Всегда относились настороженно. Другие девочки чувствовали, что их связывает не просто дружба, а и какой-то секрет. А что может привлекать больше, чем чужая тайна? Даже если она совсем тебя ни касается?

В каком бы клубе они не танцевали, на какое бы соревнование не подавали заявку, вокруг них всегда устанавливалась напряженная подозрительная атмосфера. Стена, отгораживающая от всех остальных, и вместе с тем, порождающая болезненный интерес, притягивающий к ним. Неконтролируемое желание знать, почему танцуют легко и улыбаясь, почему пот не заляпывает одежду и не смывает грим, а лишь увлажняет кожу придавая чувственности и яркости. Почему мужчины завороженно не сводят взгляды и, теряя волю, исполняют любые желания. Почему во взгляде спокойствие и улыбка и такое редкое для стрипбара достоинство. Будто они вместе со всеми валяются в грязи, но не пачкаются. Поднимаются чистенькие и румяные, как после душа, и легкой походкой отправляются по своим секретным делам.

Иногда эта зависть вызывала приступы агрессии. Но в последний миг истерия затухала, ознобом сотрясая плечи. Руки с когтями, уже готовые вцепиться в противницу опускались, и смущенная соперница убегала, что называется, поджав хвост, в недоумении, что же такое на нее нашло.

Впрочем, чаще всего враждебность ограничивалась словесной перепалкой. Девочки привыкли. Почти не замечали. Держались обособленно, яростно храня свою тайну.

В дверях уже пару минут стоял арт-директор. Ане пора на сцену. Но подруги не сводили взгляда друг с друга, не замечая его.

– Нет, конечно, – закатила глаза Диана, к ней вернулся ее

спокойный, слегка высокомерный вид. – Зря обо мне беспокоитесь. Я все держу под контролем. И все равно его жалко. Он искренний и такой … робкий. Подожду еще немного…

Диана радостно засмеялась, подруги поддержали ее улыбкой.

– Ну чего замерли? Вы разговаривать сюда пришли? – арт-директор Лёнечка, суетливый коротышка с лицом, изъеденным акне, ворвался в их круг и верещал, будто гей в женской бане. – Твой выход. Тащи свою задницу на сцену!

Аня взлохматила ему прилизанные гелем волосы и выбежала. Лёнечка последовал за ней с жутко довольной физиономией, прилизывая свои волосенки обратно.

– Девочка-припевочка, – прошипела Лейла вслед.

– Теперь руки в липком дерьме, обязательно грабанется с шеста, – вторила ей Надя, надевая зеленый парик. Конечно, она предварительно убедилась, что арт-директор вышел. – Лишь бы не блеванула от того, что до этой жабы дотронулась.

– Такие не падают, – зло прошипела Лейла. – И ты же не ублевалась, когда под ним ноги раздвигала, чтобы сюда попасть. Или зад подставляла?

– А ты, можно подумать… – взвилась Надя, но закончить не успела, вернулся Ленчик.

– Лейла, если ты не придешь в форму, то со следующего месяца ищи новый клуб. Контракт продолжен не будет. У нас работают только идеальные тела.

– Я худею! – Лейла возмущенно заверещала, состроила

наивную физиономию маленькой девочки. Но на Лёнчика подобные фокусы не производили никакого эффекта. Он, не отрываясь, что-то проверял в своем планшете.

– Лейла, мне пофиг, я все сказал. Мне нужен факт, не процесс, – Лёнечка поднял на нее брезгливый взгляд. – Не жри пирожные, если ты от них толстеешь, вчера ты чуть с аллегры не слетела! Простейший элемент для тебя, просто жопа стала нереально толстой. У тебя вся морда в прыщах. Мы брали на работу фарфоровую белую куколку, а у тебя красные пятна от солнца по всему телу.

Возражений про фототип и усилия, прилагаемые девушкой для возвращения в форму, он не слушал, переключился на Повилику.

– Где твоя подружка? Вчера она не пришла, сегодня опять нет. Ее смена через полчаса. Вряд ли она появится в костюме и макияже, – он бросил взгляд на пустующее гримерное место и свободное зеркало. – За ней закреплена восьмая сцена. Три выхода.

Повилика не сразу сообразила, о ком он говорит. Все, кого хотя бы приблизительно можно назвать ее подружками, были на месте.

– Точно, Вики нет, – Диана тоже оглядела пустующее место. Светильники горели, но девочки всегда включают все столики, чтобы в комнате стало хоть немного светлее. Диана уже искала номер девушки в мобильнике.

Повилика улыбнулась Лёнчику, беспечно и лучезарно, на-

сколько смогла. Вика, собственно, не была ей подругой, но в клуб ее привела она по просьбе Ольги. Сразу знала, что Вика особа легкомысленная, ветреная, наверняка необязательная, но, во-первых, не могла отказать Ольге, во-вторых, этими качествами славятся все танцовщицы. Да и вообще, Лёнчик не слепой, у Вики на лбу все написано. Легкость и обаяние девочки мгновенно очаровали арт-директора, Повилике даже казалось, что Лёнчик немного влюблен в красавицу.

– У меня еще один выход, – успокоила она арт-директора, – Потом, я ее заменю. Мало ли что у молодой красивой девушки может случиться? Может быть, влюбилась без памяти и упала в пучину страсти, может, еще что-то… – Повилика вальяжно облокотилась на плечо мужчины, сильно присев на одну ногу, чтобы суетливый коротышка не чувствовал себя ущербным рядом с ней. Женщины, Лёнечку вниманием не баловали, и он обожал, когда девочки до него дотрагиваются. Повилика погладила его по руке.

Лёнечка вышел.

– Она не берет трубку, – сообщила Диана. – Я могу выйти на сцену один раз.

– Езжай, – отмахнулась Повилика. – Ты же говорила, что у тебя свидание. Сама оттанцую.

– Учись, Лейла, – высокомерно и нарочито громко начала Надя, – потрись о нашего жабрика сиськами и сразу получишь, что захочешь. Станешь в его глазах красавицей и продолжишь жрать пирожные и засыпать по пьяни на пляже.

– Вы когда-нибудь отравитесь собственным ядом, – хмыкнула Диана.

– Уж лучше я клуб поменяю, чем до жабрика дотронусь, еще прыщами облепит.

Засмеялись все. Надя хохотала нарочито громко.

– Видимо, не только дотронулась, иначе откуда у тебя вылезли прыщи на жопе?

Лейла вспыхнула, потом побледнела. Она промолчала, лишь злобно сжала губы в узкую полоску.

Лейла тоже собиралась уходить и, смыв весь макияж, превратилась в обычную женщину. Ничего интересного в ее внешности не нашлось. Глаза с восточным разрезом слишком узкие и маленькие без размашистых стрелок. Кожа тусклая и неровная. Нос слишком большой даже для пухлого нерельефного лица. Она натянула короткие джинсовые шорты и крепдешиновую кофточку прозрачную, сквозь которую просвечивал бюстгальтер.

– Последняя попытка привлечь мужчину, – без сочувствия подумала Повилика. Она уже не припоминала, у какого стилиста она это прочитала, но правило врезалось в память и потом многократно нашло подтверждение в жизни. Прозрачные черные кофточки, демонстрирующие нижнее белье, носят женщины, от которых попахивает отчаянием и безнадежностью устроить свою личную жизнь.

Не в рамках клуба Повилика Лейлу встречала дважды. Однажды в ночном клубе на Хэллоуине в обтягивающих

штанах и на шпильках, изображающей ведьму и размахивающей тросточкой с кисточкой на конце, намекающей на соответствующие утехи в постели. Они с подругой самозабвенно изображали оргию, призывно поглядывая на окружающих мужчин. Степень алкогольного опьянения не позволила Лейле узнать Повилику. Второй раз просто на улице – Повилика выходила из магазинчика, Лейла сидела на скамейке с почти подростками, одним из которых являлась ее дочь. Развязно курила и плевалась, пытаясь сойти за «свою» в слишком молодой для нее компании. Повилика помахала ей издалека, похожий жест получила в ответ.

– Ленка марафон онлайн затеяла? Слышала? – хихикнула Диана. Она яростно водила толстой кистью по лицу, придавая щекам почти ярмарочный румянец. – Раскрепощение и психология эротического танца.

– Ой, хорошо, что хоть чем-то занялась. Она из всех клубов ушла. Почти не танцует. – Повилика отвела взгляд в сторону. Появилось острое желание сбежать из этого плохо освещенного подземелья. Захотелось потанцевать где-то на просторе, почувствовать под ногами песок или мелкую гальку, запах моря. Она даже взглянула на дверь, будто прикидывая, потянет ли прорыв мимо пузатого охранника. Тот охранял вход в гримерку в основном, чтобы не пускать посторонних, не оплативших волшебное зрелище. Девочки проходили туда-сюда беспрепятственно, их перемещения никто не контролировал. Повилика пожалела, что вызвалась заменить

Вику.

– Ну да, она же не хочет работать в клубе. И последний ее, Володя, кажется, запал мужик крепко. Он денег ей оставил уйму… – Диана окинула себя взглядом в зеркале и довольно улыбнулась.

– Да, она от жены его увела с тремя детьми, – Повилика ленилась вспоминать подробности этой истории. Она перебирала костюмы на вешалке. Наверное, вот этот синий, искрящийся с шифоновым шлейфом.

– Что там уводить? Он третий раз женат и третий раз на любовнице, – Диана говорила без эмоций. Сухо, будто на автомате, по всей видимости, мысли ее витали не здесь. – Это не увела, это позаимствовала переходящий приз. Увести там можно только капитал.

– Его она и увела. Причем не от жен и любовниц, а от маман, – Повилика переоделась, не заходя за ширму. Она не видела в ней смысла. Они на сцену выходят полуобнаженные, на репетиции танцуют в топе и шортиках, больше напоминающих трусики. Зачем ей ширма?

– Главное, Ленке досталась весьма, весьма кругленькая сумма. Ленке надолго хватит.

– Ленке надолго никаких денег не хватит, – улыбнулась Повилика. Они все тратили деньги, не считая, но большей транжирки, чем Ленка, она не встречала.

– Слушай, – Диана уже взяла свою сумочку и развернулась к подруге, опершись одной ногой на кресло. – Мужик легко

отделался. Он же жив остался. Считай, откупился.

– Пока овощ, в реабилитационной клинике лежит. Сразу все жены и любовницы испарились, – Повилика поглядывала на дверь, ожидая команды Лёнчика. Он руководил всеми шестью сценами, включая главную, плюс двумя площадками на балконах. Все это хозяйство являлось одним представлением. Девочки танцевали не по очереди, а по его сложному и прекрасному художественному замыслу. Согласно ему же, выстраивалось освещение, подбиралась музыка. На репетициях он превращался в сущего тирана, заставляя репетировать до изнеможения и тошноты.

– Бябяшки! – орал он на них словно на маленьких детей в садике. И хуже этого детского обзывательства не было ничего, потому что означало оно, что он недоволен, и сейчас будет еще один прогон, и еще один, и так до полного его удовлетворения.

И сколько бы девочки не жаловались и не ворчали, что готовы удовлетворить его любым другим способом, танцевали столько, сколько, его величество арт-директор повелевал.

– Все равно легко отделался. Кобель. Самый настоящий. Ленка – молодец… А мужик, может, научится чему, если оклемается. – Диана подошла чмокнуть Повилику в щечку. – Ты же не дуешься, что я ухожу. Ну, не помогаю заменить Вику?

Повилика улыбнулась и помотала головой:

– Я же сама вызвалась.

У входа Диана обернулась и снова приблизилась вплотную к подруге. Она зашептала прямо в ухо:

– Вот как она это делает? Как оставляет их в живых. Останавливает поток за долю секунды до конца?

– Опыт, – пожала плечами Повилика. Она видела, как девочки в гримерке напряглись, стараясь расслышать их разговор.

– Я старше нее, – закатила глаза Диана. – Получается, опытнее. Но так не могу.

У Повилики было предположение о том, что происходит. Скорее всего, Ленка не была вовлечена в процесс. Просто обращалась к энергии, как к деньгам в кошельке, как к еде на тарелке, забирала крупные купюры и оставляла мелочевку. Выбирала самое вкусное и пренебрегала остальным. На рассаду, как говорила ее бабушка, как часто произносила сама Ленка. А еще Повилика подозревала то, о чем никогда не скажет вслух. Произнести подобное означало перевернуть весь смысл их жизни, опровергнуть само существование. Она даже думала об этом с оглядкой. Но, по всей видимости, месть для Ленки перестала существовать. Призрак мести перестал жаждать этой самой мести. Признать немыслимо. Вслух не произнести. Лучше не думать.

Она точно знала, Ленка не единственная так могла. Но практически единственная, кто мог найти предлог, чтобы не дать повода Виринее потребовать исполнения своего предназначения. Могла выставить свой пацифизм, как месть. Ви-

ринея недовольно опускала ресницы, дергала подбородком, но терпела. Взносы Ленкиных ухажеров на студию составляли безумные суммы.

– Ты знаешь? Я вижу, знаешь! – Диана не унималась, пристально вглядывалась в глаза Повилики, уперлась лбом в лоб и вертела головой, словно пыталась ее забодать. – Ты мне скажешь? Скажешь?

Повилика рассмеялась и кивнула.

– Не здесь же.

Она рассчитывала, что Диана забудет этот разговор. У нее новое увлечение, требующее много усилий. Роман с братом бывшего возлюбленного. Возлюбленный скоропостижно покинул этот мир, и Диане приходилось не только пылать страстью к новому поклоннику, но и одновременно печалиться об уходе предыдущего. Девушка ходила по тонкой грани, внушая любовь и одновременно развевая подозрение о меркантильности своей увлеченности. Кажется, именно это ее возбуждало и одновременно заставляло ярче пылать.

Диана многозначительно задержала на Повилике взгляд и упорхнула. Повилика пошла на сцену. У каждой из них, даже у них, были свои неврозы. Поговаривали, что есть барышня, которая спит в гробу. Вот что это? Желание всегда помнить кто она? Зачем она здесь? Заземление?

Зазвучали первые звуки ее песни, Повилика шагнула в золотое марево. Лавандовая молния шариком, спутанной в комок, ниткой собралась в сердце, сейчас она ударит, прони-

зывая ее тело и шест.

Повилика давно стерла эту грань. Линию между танцами за деньги и для удовольствия, между сценой стрип-бара, соревнованиями и танцполом ночного клуба. Для нее не существовало стыда, высокомерия или страха. За свою гордость и честь она и вовсе не беспокоилась. Редкому мужчине суждено причинить ей боль или навредить. Когда танцевала, она забывала про роль, которую отводили ей те или иные стены. Зачем это? Она может позволить себе танцевать в удовольствие. Для себя. Быть собой. Такой, как она себя видит.

На сцене соревнования она не чувствовала, что ее судят. Она даже не помнила, что в конце бывают оценки, медали и грамоты. Оценивающие взгляды жюри едва мерцали для нее из мрака зала. Восторженные взгляды зрителей сияли чуть ярче, особенно мужские. Дополнительная светомузыка. Искры энергии, которыми она пренебрегала. Повилика танцевала, меняя пилоны или на одном. Статика и динамика. Чистый, абсолютный кайф движения.

На танцполе она вообще двигалась в коконе хаоса, сворачивая его из всего, что вокруг. Взгляды кружились хороводом, вплетаясь в мрак клуба, в нити света, в энергию музыки. Она не боялась завистливых, ядовито оценивающих женщин, не смущалась откровенной мужской похоти. Она извивалась в путанице чужих чувств, ощущая только себя, свою пластику, изгибы тела, радость и свободу движения.

В стрип-баре Повилика не чувствовала себя товаром, вы-

ставленным на витрину. Не ощущала висящего на ней ценника. Не окидывала зал деловым взглядом, прикидывая вечернюю выручку. Она вообще взимала плату другой монетой. Двигаясь под музыку, она ощущала натяжение и вибрацию собственных мышц, россыпь волос по спине, лавандовую молнию электричества по телу от каблука до сердца и по руке к шесту. Конечно, Повилика видела жадные алчущие мужские взгляды, чувствовала их жар, впитывала кожей желание. От этого под внутри растекалась сила. Эйфория и легкость наполняли тело, позволяя скользить, не касаясь пола. Чистый, абсолютный кайф танца.

Повилика не охотница и не жертва. Она танцовщица. Она вилиса. Призрак идеального движения, который сам по себе магия.

Глава 7

В изысканный и пафосный бар «Сток» ехать уже никто не собирался. Они сидели в ближайшем кабаке, похожем не то на средневековый трактир, не то на музей при металлоприёмнике. По всей видимости, владелец так представлял себе стиль лаунж. Деревянные столы, со старательно выбитыми щелями и покрытые темным лаком. Такие же стулья и барная стойка. На потолочных балках расположились древние железные утюги, печатные машинки, серпы и топоры. Оставалось надеяться, что антураж закреплен и не рухнут на голову. Среди бутылок современного, разного по цене алкоголя, стояли запыленные антуражные бутылки якобы с ромом и глиняные крынки. Стены украшали шкуры, головы и древнее колюще-режущее оружие.

Лекс сосредоточенно пытался принять данность. Ему казалось, если он напряжет в организме какую-то мышцу, некий нерв, то надрыв погасит накрывающие его чувства, у него получится смириться, перестать захлебываться от паники и боли, которые он никак не мог выпустить наружу и заглушить тоже не мог. Не получалось.

Егерь, напротив, казался расслабленным и спокойным. Только взгляд, пылающий яростной лихорадкой и злостью, выдавал, что под жестоким контролем бушует ураган. Если отпустить контроль, ураган вырвется и снесет все в округе.

Они оба завязли в трясине боли и чувства вины. Казалось, что они должны были сделать что-то по-другому, тогда все было бы иначе. Но что? Какую работу над ошибками произвести. Как добыть такую возможность? Тонкой струйкой в эту лужу чувства вины стекались все сожаления, испытанные за жизнь.

Лекс почти не помнил мать. Он помнил это дурацкое чувство вины, за то, что это он ее погубил. Она была странной беспомощной женщиной. Учительница начальных классов, убежденная, что всегда можно сделать работу над ошибками. Он до дрожи в руках изумлялся ее поведению. Безысходному принятию любой ситуации и убежденности, что потом, когда все закончится, можно будет исправить ошибки, сделать домашнюю работу, переписать набело. Еще в младших классах она велела ему одолжить покататься велосипед совершенно чужому мальчишке, будто не понимала, что он уедет с их двора, и велосипед больше не найдешь. Он сопротивлялся, но она смотрела спокойно и приказывающе. А потом так же спокойно заверяла Лекса, что мальчик заигрался и еще вернется. И уже ночью, уложив всхлипывающего сына в кровать, уточнила: «Значит, мальчишке велосипед нужнее чем тебе. В следующий раз поступим по-другому». Но следующего раза не было. И велосипеда у него еще очень долго не было. Его вообще не бывает. Этого следующего раза. Второго шанса.

Он еще подростком научился не ждать от матери реше-

ний и действий, вообще ни от кого не ждать. Лекс наверняка знал, что она не поможет. Не кинется защищать, когда обижают, не найдет выхода и не добудет, когда очень надо, не поможет с выбором, когда тебя несет не в ту сторону. Будет бесконечно рассуждать о временных трудностях, которые непременно должны закончиться и обязательно сделают нас сильнее. В чем выражалась ее сила он так и не узнал. Потому что трудностей в ее жизни хватало.

Он помнил, как она приносила таблетку за таблеткой отцу, когда надо было вызывать скорую, боялась побеспокоить врачей, ведь за ночь их вызывали уже дважды. Она постеснялась позвать соседей снести носилки с отцом, и мужчина уже с инфарктом спускался по лестнице сам, потому что две тетки со скорой отказались его нести. До скорой он не дошел. Те же соседи, которых все-таки пришлось побеспокоить, заносили мертвое тело обратно в квартиру. Она будто и не поняла, что его не стало навсегда. Будто готовилась сделать работу над ошибками, ждала возможность исправить. Она тихо и жалобно бубнила какие-то прописные книжные истины о том, что забирают лучших, что там, на небе, хорошо, а мучаемся мы здесь на земле. Она ждала. Она всегда была учительницей и на работе, и дома. А он, Лекс, всегда находился в классе и всегда с невыученными уроками.

Живой женщиной и чувствующей матерью он видел ее только однажды. После прогулки с его псом Рексом, овчаркой-переростком, забракованным в питомнике, но безумно

любимым Лексом. Она не взяла его за ошейник, заходя в подъезд, тот заскочил в лифт первым и двери закрылись. Мать осталась с поводком – толстым хлопковым ремнем и деревянной ручкой на петле. Она на первом этаже, а лифт поехал вверх. Поводок потянулся к потолку. Исход казался очевидным. Когда петля с массивной ручкой упрется в двери лифта под потолком, там, в лифте, Рекс сначала прижмется мордой к полу, пытаясь бороться с натяжением, потом взвизгнет, потом псине оторвет голову.

Позже со слезами на глазах, представляя этот момент снова и снова, преодолевая прошлый страх, Лекс понимал, самый очевидной реакцией матери должно было стать – выпустить ручку из рук и удивленно ждать произошедшего. Она не умела прогнозировать ситуацию, не могла оценить последствий. Живое существо умирает навсегда. Без возврата. Без возможности исправить.

Но тогда у матери непонятно откуда взялись силы. Неизвестно какие гормоны ее оглушили, сколько адреналина жахнуло в кровь, и что придало ей практически исполинской силы, но она смогла оторвать поводок. Зацепила за какой-то выпирающий болтик на дверце лифта и перетерла. Разодрала его, оторвав петлю и ручку. Веревка уползла вверх, исчезла за дверями лифта, мать зарыдала, не замечая окровавленных пальцев, Рекс перепуганный, но живой доехал до верхнего этажа.

Мать еще весь вечер рыдала на кухне. Лекс с мокры-

ми глазами сидел рядом. Рекс, не понимая причины и давным-давно не помня о лифте, терся к ногам огорченных хозяев.

– Я не понимала, что он умрет, – шептала мама, размазывая слезы по своему лицу и мокрыми горячими ладонями тряся сына за предплечье. На руке Лекса оставались розовые пятна – кровь, разбавленная слезами. – Просто что-то на меня нашло. Кто-то вложил силы и … мысль… осознание… как будто, если я не порву эту веревку, больше вообще ничего не будет… Нельзя исправить, нельзя изменить. – Тогда она не была учительницей, она была живой женщиной в панике.

Да. Иногда ничего больше не будет.

Лекс потом тер этот ремень и натягивал до боли в руках, но разорвать не смог. Он рыдал в своей кровати от страха за почти случившееся, злился на себя, что сам бы не смог справиться и погубил бы Рекса и дрожал от безысходности, осознав, что смерть – это навсегда.

Сейчас он не мог принять смерть Дикого. Ему, как матери, верилось, что можно что-то исправить. Отмотать назад и встретиться не вечером в баре, а сразу, как он приехал в город. Или еще лучше он бы мог приехать на день раньше, он же собирался. Это бы вообще кардинально изменило все. Все сложилось бы иначе.

Но работа над ошибками была невозможна. В жизни она вообще редко случается.

– Почему он? За что? И еще эта девица в веревках. Почему такая странная смерть? – Лекс задавал вопрос за вопросом после долгого молчания, пока они глушили стакан за стаканом и разговор не шел. Егерь молчал. Они пили. Потом еще. – Что-то по работе?

– Вряд ли, слишком странное убийство. Но эту версию отработаем – кивнул Егерь. – Для заказного убийства слишком заморочено. Пистолет с глушаком – самая рабочая версия для убийства, связанного с бизнесом. Ну, еще в ДТП по-прежнему убивать модно.

Лекс кивнул. Он и сам не представлял, что бы кто-то заказал убийство в такой форме. Больше уж походило на заморочки какого-то маньяка. Но какого лешего маньяку понадобился Дикий? Лекс точно помнил из учебников по криминалистике – маньяки не только сами с психическими отклонениями, они и жертв выбирают не совсем с нормальной психикой или с какой-то сложной судьбой. Дикий никак не вписывался в клиническую картину.

– Его домработница обнаружила. Вернулась за кольцом. С утра забыла… Она его и увидела. В больницу увезли… – Егерь вздохнул.

– Что-то уже есть предварительно? – Лекс не мог унять нервные движения. Держа стакан, в котором остался только лед, он коротко и ритмично покачивался в кресле.

– На теле Дикого нет никаких следов, – Егерь сидел спокойно, словно каменное изваяние, смотрел в стакан. Там то-

же бултыхался лед. Он разлил им еще по порции виски. – Ни выстрела, ни следов веревки, его не ударили, не задушили. Кожные покровы ровные. Отравление, тоже, маловероятно.

– И что же это? – Лекс оторопело уставился на Егеря. Он, как и друг, ни на секунду не сомневался – Дикого убили. Все, что он видел в квартире, говорило об этом.

– Пока эксперты предполагают сердечный приступ, – Егерь дернул плечами, будто хотел скинуть тяжесть этого дня и вздохнул, подавив зевок.

– Ты хочешь сказать, он увидел эту связанную девку и умер? Причем с абсолютно счастливым выражением лица? – Лекс ощущал, что несет полную околесицу.

– Я хочу сказать, что ни хрена не понимаю. И даже предварительной версии, даже мыслей, самых диких и отвязных у меня нет, – раздраженно кинул Егерь. Лекс понимал, бесит его не он – Лекс. Друг злится на себя.

– Девица опознана, сумка с документами на месте, деньги и карточки не взяли. Наталья Сергеевна Демидова. Студентка медицинского университета, последний курс. Нормальная семья. Познакомились в баре. Поехали к нему. Секс. На девушке тоже нет никаких посторонних следов. Только Дикого. И в квартире чисто. Домработница тщательно убиралась незадолго до этого. В квартире были Дикий, Демидова и убийца. Есть еще две пары отпечатков. Но, во-первых, непонятно, когда они оставлены, а во-вторых, в нашей картотеке они не числятся.

Оба знали, алкоголь ничего не заглушит. О предстоящих последствиях даже думать не хотелось. Егерь уже сообщил отцу Дикого. Наверняка с утра на семью обрушатся журналисты. Марат – крупный бизнесмен. Почти две трети предприятий страны по изготовке и переработке полиэтилена принадлежит ему. А тут такая дикая смерть при извращённых обстоятельствах. Пресса этого не пропустит.

– Мои ребята копают, что-нибудь найдем. С девчонки начнем. Если по Дикому брать, то самая рабочая версия – это из-за отцовского бизнеса, но она несостоятельна.

Лекс удивился, что Егерь выговорил это слово. У него у самого уже заплетался язык. Он мог только, как умная собачка Соня, кивать, преданно глядя в глаза.

– Дело отдадут тебе? Дикий твой друг, – прошедшее время у Лекса не сложилось. Он не смог произнести «был». Не применялось прошедшее время к Дикому. – Какая-нибудь профессиональная этика, личная заинтересованность? Не откажут?

– Возьму. Всех подключу, кого понадобится. Это дело буду вести я, – голос Егеря звучал глухо и без эмоций. Он все решил. Других вариантов не рассматривал. – В крайнем случае, Марат надавит.

Дело Дикого должно быть раскрыто, доведено до конца, и кто бы не являлся убийцей, он будет наказан. Сквозь болото, мутное и тягучее, что затянуло мозг Лекса от половины бутылки виски, выплыла мысль. На что готов Егерь, чтобы

убийца Дикого получил заслуженное? Готов ли переступить закон? Что для него закон сейчас? В системе Егерь работал долго, почти всю свою жизнь. Так или иначе обладал полномочиями и тайными знаниями сверх тех, что полагались ему по штату и должности. Лекс знал, что у друга были проблемы с неконтролируемых агрессий. Насколько он позволит себе выйти за рамки?

Отца Дикого, Марата Николаевича Блатта, Лекс помнил хорошо. Дикий гордился им, говорил о нем много, постоянно. Настоящий мужик, истинный лидер. Они все хотели бы такого отца. Да чего уж там, мальчишками они все мечтали быть Маратом Николаевичем. Тот всегда имел крепкие и хорошо скрываемые связи в высших кругах. Поговаривали, чуть ли не президентское окружение. Именно они помогли вытащить тогда Дикого из кровавого месива, которое закрутилось вокруг них.

Интересно, как часто Егерь вспоминает их юность? Или не вспоминает вовсе, стараясь забыть, как стараются забыть дурной, стыдный поступок?

Закончив Академию МВД, трое юных, амбициозных и ретивых парня мечтали о расследованиях, мнили себя Шерлоками Холмсами и Пуаро, но времена им попались не те. Расследовать можно было только кражу кошелька у старушки. Все крупные дела вели наверх. А про вышестоящих, как про покойников, – или хорошо, или ничего. Порочная, неистребимая круговая порука сворачивала людей в гигантские

клубки. При малейшей попытке потянуть за одну ниточку требовалось распутать все. А как распутать? Этого трогать нельзя, он за собой еще троих потянет, а те еще десятерых. Пол страны не посадишь, столько места нет. Да и замена так быстро не подходит.

Где они нашли этот отряд зачистки? По чьей рекомендации? Никто толком не помнил. Но тогда им представлялось, что это будет секретный отряд «Альфа» на службе государства, двухлетняя служба в котором, подарит «майора» и хорошую должность в органах.

Все трое, не глядя, подписали контракт с туманными и непонятными обязанностями. За такую перспективу можно хоть что! Хоть мусор грести!

Вот им и предстояло грести мусор. Если бы они знали какой. Вместо лупы и курительной трубки у них появились пистолет Макарова, Стечкина и десантный нож. А на выезд еще и автомат полагался, безномерной.

Лекса передернуло и затошнило, как и всегда на этих воспоминаниях. Много лет он гнал их от себя. Просто не думал. Просто не вспоминал. Даже научную теорию нашел на этот счет.

Чтобы мозг привык к чему-то новому – работе, физической активности, успеху, выигрышу в лотерею, надо усиленно и постоянно об этом думать, развивать проект в мыслях, представлять, как двигаешься навстречу событию, получаешь желаемое, живешь этим, ощущаешь, что уже все достиг-

нуто, все сбылось. Мозг реальность от мыслей не отличает. Он перестроится, нервные клетки отрастят специальные отростки, которые знают нужную реальность, и эта реальность действительно наступит. Появиться новая жизнь. Лекс верил и в обратный эффект. Если не думать, не крутить в мозгах и мыслях какое-то событие, то нервная клетка уничтожит отростки с памятью за ненадобностью и событие сотрётся, исчезнет, хотя бы из ощущений и ночных кошмаров.

– Он был как горностай, – тишину нарушил Егерь. – Дикий горностай.

Лекс вынырнул из своих мыслей и непонимающе уставился на друга. Возможно, он уже настолько пьян, что совсем ничего не соображает. Наверное, пропустил часть разговора.

– Знаешь, этот зверек, он белого цвета. Весь в шелковом длинном белом меху. Красивый, мордочка умная, глазки живые, любознательные. Бегает, прыгает. Живет в снегах. Дикий и хищный, – язык Егеря не заплетался, мысли и слова не путались. А Лекс по-прежнему не понимал, о чем он.

Хотя бутылку они выпили на равных, Лекс ощущал себя в коконе опьянения. Плохо соображал, тяжело двигался, слабо реагировал. Вот только каждая мысль о Диком все равно причиняла нестерпимую боль. Здесь алкоголь был бессилен. Лекс слушал друга, глядя на него в упор, и изо все сил стараясь понять, что тот говорит.

– Так вот, этот зверек ловит хорька или зайца, что он там жрет? И ест. Ты представляешь процесс? Живое существо

раздирает острыми зубами другое живое существо. Клыки впиваются в еще теплую плоть. Кровь брызжет во все стороны. Мясо рвется в клочки, пережёвывается и исчезает в хищной пасти милого пушистого зверька. Акт жизни и смерти одновременно, – Егерь сверлил Лекса безумным взглядом, пытаясь выяснить, достаточно ли явственно друг представляет картину.

Лекс глубоко вздохнул, пытаясь справиться с рвотным позывом.

– И знаешь, что?

Лекс дернул головой, подтверждая желание знать. Он и представить не мог, чем еще его удивит Егерь.

– Горностай никогда не пачкается в крови. Убивает, разрывает, жует, поглощает. Кровавое действо. Но он никогда не пачкает свою белую шкурку. Чистым выбирается из лужи крови на белый снег, – Егерь выдержал паузу – Вот Дикий был таким. Выбирался чистым из любого кровавого ада, из любой передряги. Без кошмаров и призраков, без воспоминаний и бессонных ночей, с целой нетронутой собственной душой.

Лекс понял. Егерь был прав.

Из кровавой лужи зачисток они выбрались живыми все трое. Разной ценой. Но живыми и свободными. И только Дикий сохранил совесть, которая не терзала, вкус к жизни, который остался таким же ярким как в детстве, и спокойный сон. Выбрался почти непорочным, не испачкал души, зама-

рав руки по локоть.

Это называлось просто «задание». Тех, кого нужно было оставить в живых, показывали на фото. Одного или двоих. Остальных надо уложить на месте.

Ликвидировать.

В масках, бронежилетах их везли в машине или автобусе с наглухо закрытыми окнами. Иногда в вертолете. Они врывались в обозначенные здания или подвалы и через несколько минут выводили из кровавого месива пару заказанных людей для допроса и следствия. Кто? Зачем? Вопросов не задавали.

Обычная бандитская группировка, но с федеральной крышей. С разрешением на любые действия. Разрешением на отстрел. С заданием. На службе.

В учебке ребята слушали про подобные операции, как сценарий ужастика. Делали важный вид, показывая, что ничего особенного в этом нет. Хмыкали, называя это просто работой. Простых людей не убирают. Тех, у кого еще с девяностых руки по локоть в крови. Они это заслужили.

Со временем боец привыкал. Границы стирались и рамки дозволенного размывались, хорошо-плохо уже не было таким конкретным. Когда служение Родине переходило в отстрел неугодных системе лиц, когда ты в роли судьи и карателя. Ощущение вседозволенности быстро подменяет реальность.

И вот уже на тему смерти отпускаются скабрезные шу-

точки, а фотографии с бутафорскими отрубленными головами, муляжами трупов, служащих мишенью при обучении, кажутся прикольными. А еще, они сами кажутся себе крутыми парнями, искушенными и опытными, почти вершителями судеб.

Лекс забежал в подвал, воняющий плесенью и мочой, еще до конца не представляя, что его ждет. Новичков было двое, он и Егерь. Дикий уже бывал, но впечатлениями не делился. На Лекса спустилась другая реальность. Словно в шутере он шел в темноте, ожидая нападения врага. Только выстрелы, крики, кровь и застывшие мертвые лица были настоящие. А запах страха и паники навсегда врезались в память, застрял в носу.

Из того подвала Лекс вышел трясущимся, на негнущихся ногах. Чистый воздух полоснул по легким словно спирт по горлу и еще неделю отдавал, кровью, плесенью и мочой. Его драло и выворачивало наружу в ближайшем сугробе. Дикий принес воды. Больше никто не подходил. Понимающе давали время прийти в себя и потом не стыдиться своей реакции. Такая была почти у всех.

В себя Лекс так и не пришел. С той зачистки в нем прочно поселился страх. Ужас, что он услышит команду «задание» и свою фамилию в списке. Он, как сомнамбула, ходил по базе, в зал на тренировки, боялся об этом говорить даже с Егерем и Диким.

А потом ужас победил инстинкт самосохранения, и он на-

писал заявление об увольнении.

– У тебя контракт, – заглянул Егерь через плечо друга. Лекс даже не слышал, как тот вошел в туалет, который использовали только технички. Он уже битый час писал на подоконнике заявление за заявлением и, разорвав на клочки, выкидывал бумажки. Его трясло крупной дрожью, а взгляд метался словно загнанный зверек.

– Я на такое не подписывался, – еле выговорил он. Зубы выбивали чечетку. Воняло хлоркой и бессилием.

– Неустойка в этом контракте – твоя жизнь, – уже тогда Егерь умел смотреть своим стальным взглядом, от которого все внутри замирало. Неужели ты думаешь, сможешь просто уйти? После всего, что ты здесь узнал.

– Я никому не скажу. Сбегу подальше. К черту на рога. У нас страна огромная, ну, не кинутся же искать? Меня одного? – грудь сжимало так, что дыхание замирало, воздух просто не мог просочиться.

– Может, и не кинутся, – Егерь пожал плечами, усаживаясь на подоконник. – Знаешь любимую шутку нашего майора?

Лекс знал, но Егерь повторил:

– Молодой человек, а где вы работаете?

– В очень крупном предприятии, с офисами и представительствами по всей стране, даже в самых глухих и отдаленных деревнях.

– Банк?

– МВД.

Никто не засмеялся.

– Зачем искать? Просто встретят в другом филиале, – поставил точку Егерь.

Лекс настырно сопел.

– У тебя здесь мать и отчим, – давил друг. – Подумай. Пожалей.

– Только мать, – отрезал Лекс и смыл в унитаз обрывки листков. Плохо впитывающая воду бумага закружилась в водовороте. Вот так и его кружило и мутило, когда он надевал на себя броник и проверял оружие.

А потом этот мальчишка. Лекс уже не хотел вспоминать, перед ним всполохами маячил бар и повзрослевший Егерь со стаканом, но даже смерть Дикого не могла вырвать из паутины воспоминаний.

– Я до сих пор помню лицо того пацана. Отчима не помню, а его помню, – одними губами прошептал Лекс, и Егерь сразу понял, о чем он.

Их опять везли. Вертолет, автобус, выгрузка. План места они получили только на месте. Там целая армия. Живым брать только одного.

«Можно сильно потрепанным» – хохотнул майор.

Вопреки инструкциям армия оказалась оравой подростков, почти детей. Без оружия. Какие-то арматуры, биты, заточки против огнестрельного. По факту – бойня. Но молодые, почти подростки, верящие в то, чего не понимали, сра-

жающиеся за свои фантазии. Накрученные взрослыми хитрыми дядьками, они бились на смерть, даже получив пулю, еще бежали с железными палками на людей в камуфляже.

– Сзади, – заорал Егерь, которого Лекс узнал бы и в парандже. Дикий уже дернул пистолетом в его сторону, но Лекс успел обернуться сам и выстрелил сразу несколько раз. Еще пару раз попали в нападающего Дикий и Егерь. Пацан оседал к его ногам, арматура проскользнула в его ладонях и звонко брякнулась на бетонный пол. Из горла хлюпнула кровь и потекла по подбородку. Не верящие в смерть глаза смотрели в упор на Лекса. Лекс как в киноленте увидел жизнь того пацана. Потрепанные спортивки и кеды. Футбол с такими же ребятами как он на вытоптанном пыльном поле со столбиками вместо ворот. Тащит пакеты до дома, забрав их у замученной бытом и безденежьем мамки. Злость и бессилие на папку-алкаша. И улыбку на веснушчатом лице, которую уже никогда никто не увидит. Обычный пацан.

Лексу дали больничный на две недели. А потом он просто сел в поезд безбилетником и оказался у бабкиной сестры в деревне. Двести километров от города, три дома с покосившейся крышей, захудалый магазин, почтовое отделение в соседнем селе и участковый, один на восемь населенных пунктов, который до этой деревни доходил раз в два месяца. Нет, не он, почтальонка принесла телеграмму от Егеря. Его ждали на похороны матери.

Ее не убили, зверски и мучительно, как ему представля-

лось на верхней полке поезда по дороге обратно. До нее вообще никто не дотронулся. Ей просто показали фотографии Алексея. Ее любимого и ненаглядного, правильного и послушного, который даже в столь тяжёлые для страны времена служащего в органах. Собственно, чем он занимался в органах ей и рассказали. Фотографии с бутафорскими трупами, автоматом, с ножом в крови. Она взглянула, тихо осела на стуле, майор подхватил, не дав ей упасть на пол.

Про то, что он сбежал, идет внутренне расследование, и она может помочь его найти мать уже не слышала.

В гробу она лежала бледная и маленькая. Практически такой, как была при жизни, только глаза закрыты и лоб ледяной. Отчим едва держался на ногах. Его постоянно загораживали собутыльники и соседи. Наверное, боялись, что Лекс его убьет.

Лекс не рыдал и не жалел, он навсегда сохранил в душе комок вины. За спиной стояли Дикий и Егерь. Они не осуждали, не жалели и помочь ничем не могли.

Хлопок автомобильной двери отрубил завывания соседок «на кого ж ты нас покинула», «какая молодая угасла» и старую жизнь. Лекс покидал город, не представляя, какая у него будет новая. Лишь бы другая. Покидал с похорон. Вернулся на похороны.

Оба мужика налакались в зюзю. До того прекрасного состояния, когда горе и вообще все эмоции глушит не алкоголь, а сосредоточенность на сохранении тела в вертикаль-

ном положении. И по возможности правильная расстановка звуков в членораздельную речь. Завтра с утра жизнь покажется не мила, подсказывал опыт.

Егерь даже смутно помнил, что на утро ему предстоит не только совещание со своей командой по делу, развод обязанностей и поручений, но и борьба с начальством за это самое дело, и уже предвкушал ту горсть таблеток, которую он выпьет сейчас и с утра, чтобы хотя бы мозг функционировал полноценно. Бог с ним с уверенным и бравым видом. Мысль о третьей бутылке вискаря он отмел. Просто больше не лезло. Слабак. Возраст.

Лекса явно несло поговорить. Видимо, алкоголь плюс утрата прихлопнули его на странный, не свойственный ему эффект. Воспоминания. Ностальгию. Перед глазами плыли картинки его детства. Дикий и Егерь в шортах и драных штанах. Неудачное падение с забора. Гонки на велосипедах. Футбол на пыльном поле старой школы. Штабик на дереве. Разбитые коленки и фингал под глазом. Не то Лизка, не то Люська с голубыми глазами и светлыми косами, по длине которых считавшаяся главной красавицей двора. Первый стакан водки, героически удержанный внутри, первый секс. Вот тут он не помнил ни имени, ни лица.

Воспоминания раздирали изнутри. Но даже ослабленный виски контроль не позволили вылить слезливо-сопливое настроение на Егеря. Нет, он не боялся осуждения друга, а переживал, что они выпьют еще одну бутылку, и завтра с утра

Егерь окажется не боеспособен. А Егерь должен работать и найти убийцу Дикого.

Самым простым, что пришло в голову Лекса, оказалось снять девочку и вместо секса, на который он вряд ли был способен, замучить ее рассказами об их детстве и дружбе. Какое-то время идея представлялась хорошей и всерьез планировалась к исполнению. Ну ладно, он оплатит по двойному тарифу.

Встретившись взглядами друг с другом, они горько ухмыльнулись почти одинаково и почти одновременно. Егерь велел бармену вызвать два такси.

Глава 8

Андрею Васильевичу казалось он сходит с ума. Вокруг мерещился мягкий силиконовый кокон, в который не проникают люди, события, даже звуки и запахи. Жизнь шла без него, в стороне, по накатанной. Он откладывал все, что мог отложить. Он перенес все, что мог перенести. Он с удивлением обнаруживал встречи в своем календаре и не помнил, как назначал их. Он забывал, как подписал документы и о чем они. Людей видел туманно и расплывчато. Коллеги, подчинённые, партнеры. Он то и дело поглядывал на часы и на календарь. Он ждал. Ждал ответов на свои вопросы.

Мягкое кресло роскошного кабинета ласково приняло его в объятия вместе со стаканом хорошего виски. С четвертым стаканом за сегодня. А еще даже не было полудня.

Он обводил знакомую комнату с дорогим деловым дизайном пустым взглядом и без особой необходимости припоминал на работе он или дома. Если попытка не удавалась сразу, он оставлял ее. Кто-нибудь, секретарь или помощник, придет и расскажет, что там в его деловом календаре, где его ждут и по какому поводу. Водитель отвезет туда, куда ему надо ехать.

Кабинеты были похожи как две капли воды. Домашний и рабочий. Одинаковые стены, шторы, мебель и ковер. Вплоть до статуэток и пресс-папье.

Пресс-папье – дурацкое слово. Кажется, жутко старомодное и теперь им никто не пользуется. Впрочем, как и предметом. Андрей Васильевич так и не смог вспомнить его назначения.

А между кабинетами разницы не было, может, немного в расположении бумаг и канцелярских принадлежностей на столе. Ну, еще шкаф с книгами: на работе – мировая и русская классика из редких коллекций с дорогими обложками, дома – тома по праву, словари и прочие рабочие материалы или наоборот, этого он тоже не помнил. Когда он задумал подобный финт с обстановкой в кабинетах, ему казалось это будет интересно и необычно.

«Подарит ощущение бесконечного времени» – сказала Лиза, радуясь всему нестандартному. В ее комнате на стене висели часы. Двенадцать одинаковых циферблатов, показывающих время с разницей в час. Она называла их «Моя бесконечность»

А у него своя бесконечность. Единое рабочее пространство. Деловое, помогающее собраться и сосредоточиться. У него даже было какое-то похожее на разумное объяснение, якобы это не просто экстравагантная выходка. Что-то наподобие: «не будет необходимости переключаться, постоянная рабочая атмосфера».

Сейчас кабинеты играли с ним злую шутку. Он терялся в реальности, забывал, где находится. Ну, и виски тоже помогало его дурачить.

Он наливал стакан за стаканом, уже не разбавляя льдом, и как молитву твердил «Егор справится. Егор раскопает».

Серьезный мужик. Нереально прозорливый опытный и умный. Именно так его рекомендовали. По очень особым делам. На хорошем счету в ФСБ. Расследует секретные дела и дела государственного масштаба.

В государственных масштабах Андрей Васильевич решал и сам. Может, закон какой принять, снять, назначить, да хоть государственный переворот учинить. За деньгами дело тоже не стоит. Весь этот серый и дурацкий городишко можно купить и продать несколько раз. Наверное, еще что-то может. У него всегда было ощущение всемогущества. Было, пока… Пока не столкнулся со смертью.

«Егор справится, Егор раскопает»

Год назад он собственными руками положил в гроб единственное и любимое дитя. Девочку Лизу. Свет в окне, смысл жизни, надежду, счастье и любовь.

Он до сих пор помнит под пальцами теплый шелк ее волос и мягкий бархат внутренней подкладки гроба.

Он не верил. Когда касался ледяного лба, когда закрывали крышку, когда гроб опустили в яму.

Она не могла умереть. Это противоестественно. Невозможно. В ней столько жизни, столько тепла и радости. Смерть просто не могла победить.

Дурацкая случайность. Глупое стечение обстоятельств. Сколько раз он говорил, чтобы она не связывалась с этими

плебейками!

Лиза пошла ночевать к подруге. В замшелый периферийный район, в старую, полвека не ремонтированную хрущевку. Что-то они там учили. Что можно учить в крошечной двенадцатиметровой комнате вдвоем? Чокнутая соседка с развитым Альцгеймером забыла выключить газ. Громыхнул взрыв. Старая маразматичка всего лишь сломала позвоночник и ногу в двух местах, отлетев под древний дубовый стол. А вот девочки в соседней квартире погибли обе. Вторую он даже не помнит. Она совсем не важна. Кажется, его помощник выдал чек на похороны. А вот Лиза… Его счастье, его свет, его смысл. Сколько раз он говорил, что не нужны ей подруги из народа. Пусть их было не много. Ценник ее жизни разводил ее с так называемыми «детьми из простых семей» естественным образом. Но те, что были – пустой мусор. Совсем ей не нужны. У его Лизы такие перспективы! Такое будущее!

Андрей Васильевич как в ярком высокобюджетном фильме с известными актерами видел будущее своей дочери.

Перспективный молодой юрист по международному праву. Квартиры во всех престижных уголках земли, такие, как она любила – светлые, солнечные, в старинных домах, но с новейшими технологиями. Штуки четыре Андрей Васильевич уже приобрел. В двух его девочка даже побывала – жила, когда училась за границей.

Она красивая, деловая, занятая и счастливая…

Мужчина улыбался, довольный нарисованным будущим дочери. Потом улыбка померкла.

И какая-то полоумная старуха перечеркнула все его планы. Сгубила юную красивую жизнь, в которую он столько вложил. Сгубила все его надежды.

Он не верил.

Как в бреду, он прожил восемь месяцев. И когда в его персональный ад стали попадать люди, снова стала проникать жизнь. Нет не настоящая жизнь, не возможность на то, что еще что-то будет, не надежда на что-то хорошее, не планы на грядущее, а вкус еды, запахи, дела, которые он словно сомнамбула, словно деревянный буратино выполнял каждый день.

Тогда его жизнь перевернулась еще раз.

И теперь уже возврат был невозможен.

«Егор справится, Егор раскопает»

Однажды в толпе, безостановочно бегущей мимо высоток бизнес-центра, садясь в свою машину, он увидел ее. Свою Лизу. Нет, ему не померещилось, не обознался. Его Лиза быстро шла в толпе, уставившись сама в себя, в наушниках и со спортивной сумкой в руках. Даже кроссовки на ней были ее. Синие, потрепанные и любимые, с которыми она никак не могла расстаться. Они покупали их вместе во Франции, лет пять назад.

Андрей Васильевич кинулся в толпу, за ним рванули телохранители. Люди испугались вооруженных охранников,

заподозрили что-то неладное и кинулись врассыпную. На мгновение ему показалось, что она видела его. Ее голубой прозрачный взгляд остановился на нем и скользнул мимо. Девушка поспешила дальше. Паникующая толпа мешала Андрею Васильевичу. Он отталкивал кого-то, споткнулся о самокат. Он бежал за дочерью, но она удалялась. Ее спина исчезала за силуэтами, а люди мешались под ногами, он сбил с ног какую-то тетку с авоськой, перевернул коляску с ребенком. Его служба безопасности потом улаживала инциденты. Но главное и самое ужасное, он не догнал девочку. Видела она его или все-таки нет? Ему показалось?

После этого случая безутешный отец потерял покой. Он не ошибся. Нет. Она жива. Такое вполне могло случиться. Его воображение рисовало ему тысячу возможных сценариев. И потерю памяти, и похищение, и летаргический сон.

Эксгумация засела в его голове как огромная заноза. Вскрыть могилу, раскопать, своими глазами увидеть тело или то, что от него осталось.

– Мало что там осталось. Слишком много времени прошло, – пугал специалист по эксгумации. – Могилу никто не вскрывал. Нетронутая. Экспертиза подтвердила.

– А если подкопали со стороны, из соседней и вытащили? – с паникой и безумием в глазах предположил Андрей Василевич.

Только его высокое положение спасло от вызова психиатрической службы.

Они правы, – твердил Андрей Васильевич себе – Что за бред! Она была мертва. Он держал ее бездыханное обожжённое тело на руках. Обожжённое до неузнаваемости, но абсолютно точно ее. Это была она.

Эксгумации он все-таки добился. Накануне процедуры в странном, похожем на дурной сон порыве он явился на кладбище. Могила утопала в цветах. По его распоряжению каждую неделю сюда привозили венки из живых лилий, корзины роз и букеты пионов. И всю зиму тоже. Его девочка любила цветы.

Андрей Васильевич долго сидел на скамеечке возле надгробия. Он всматривался в портрет на мраморе. Слезы ручьями лились по лицу. Что же такое происходит? На холмике, обведенном мраморной цветочницей, вырос куст сирени, белой с огромными лепестками. Она расточала аромат и вытесняла привезенные цветы. И до мужчины вдруг совершенно ясно дошло. Лизы там нет. Он не мог объяснить, как такое возможно. Не мог даже сам себе признаться, что поверил в колдовство, в мистику, во что угодно, хоть в куклы Вуду. Но Лизы там не было.

– Здесь уже искать-то некого, – раздался скрипучий старческий голос за спиной. Будто в подтверждении версии с колдовством. Бабулька, закутанная в черное, с клюкой и ветхой корзинкой, словно ворона, присевшая на забор, опиралась на невысокую ограду. Охрана кинулась к нему, он жестом остановил их. На бабульку он глядел словно заворожен-

ный. Откуда она знает, что Лизы там нет?

Гостья мелко трясла головой и укоризненно смотрела на мужчину:

– Искать-то надо не тут уж.

– А где? – Андрей Васильевич не узнал собственного голоса. – Где мне ее искать?

– Тело ее уже рассыпалось прахом, – продолжила старушка сердобольным голосом, обрадованная, что ее слушают. – В том воля Всевышнего, тело бренно и слабо.

Андрей Васильевич слушал, словно завороженный, смотрел на старушку, как на посланника свыше, вестника небес или ада. Он не двигался, почти не дышал, ждал, что ему откроют истину и все в его голове сложится, все встанет на свои места. Он, наконец-то, узнает Тайну.

– Тело бренно. А душа ее на небе. У Господа нашего в садах. Господь наш всемогущий защитник нам, да Дева Мария, заступница наша, – вестница снова посмотрела на Андрея Васильевича пронизывающим насквозь взглядом. – А как с небесами разговаривать-то ведаешь?

Андрей Васильевич тряхнул головой, потом отрицательно помотал гривой. Все мысли в голове перепутались. Старушка грустно тяжело вздохнула.

– Не ищи здесь ничего, нет здесь ни души, ни тела. В храм ступай, проси Господа Бога за девочку свою. Поди-ж ты и отмолишь душу ее.

Андрей Василевич дрожал, словно облитый ледяной во-

дой кутенок. На эксгумацию он не пошел. Ответ он знал и так. Лизиных останков в могиле не обнаружено. Как такое могло произойти, никто не сказал. Следователи и руководство кладбища недоуменно пожимало плечами.

В кабинете стало невыносимо жарко. По лбу струился пот. Рубашка прилипла к телу. Можно было позвать кого-нибудь, закрыть окно, которое он открыл, чтобы глотнуть свежего, не обработанного кондиционером воздуха, из которого распространялась духота. Но Андрей Васильевич не желал никого видеть. В одиночестве он спокойно погружался в свои мысли и страдания. Он как бесконечную пытку растягивал свои ожидания, свои надежды. Смаковал боль неизвестности. Остро чувствовал, что пока нет знаний, все еще может случиться, как ему хочется. Лиза может оказаться жива. А между тем, неизвестность мучала сильнее всего.

Егор копал уже давно. Копал яростно, старательно, с остервенением коршуна, треплющего добычу. Он обещал ему сделать все возможное и невозможное. Но информации по-прежнему было мало. За каждую крупицу новостей Андрей Василевич был готов платить, выдавать должности, исполнять любые желания. Но пока ничего. Андрей Васильевич питал себя болью и надеждой.

Егор обязательно раскопает.

Глава 9

Змеи с женскими телами, обнажённые по пояс с призывно покачивающимися грудями плотно окружали его. Густо напомаженные рты что-то шипели, человеческие, раздвоенные, будто перерезанные лезвиями языки трепетали. Они извивались, соблазняли, окружали. Егерь, озираясь и приняв стойку, будто дикий зверь перед прорывом искал выход из змеиного хоровода. Выхода не было. Кольцо становилось плотнее. Он уже чувствовал ледяные скользкие прикосновения кожи, острые, словно канцелярские кнопки, царапающие касания грудей. Приторно-сладкий удушливый запах обволакивал ватным коконом, душил и разъедал легкие. Он поскользнулся в луже крови. Своей крови. Она сочилась из царапин на теле, текла изо рта, струилась по обнаженному телу, ногам. Егерь не упал, удержал равновесие и выпрямился. Самая толстая, самая большая змея возвышалась над ним, нависла, раскрыла кожистый капюшон за спиной. Егерь принял боевую стойку. Пара расквашенных носов остановит скользких красоток. Егерь открыл глаза.

Раньше крови не было. И голым он не был. Или был?

– Видеть себя голым во сне к позору – с ехидными интонациями своей бабки прошептал он. И добавил – А кровь к болезни.

Этот сон он видел уже с полгода. По мнению психотера-

певта, повторяющийся сон – явный признак затяжной и глубокой депрессии. Впрочем, этим он с мозгоправом не поделился, а других признаков дотошная девица не нашла и молча, хоть и с недовольным видом, выписала разрешение на работу. В заключении значилось: «Не имеет. Устойчив. Годен»

Хрень бы он был, а не следователь, если бы не смог обойти сопливую девчонку, закончившую университет психологии и претендующую на беспрепятственное прохождение в души и мысли взрослых мужиков, видевших живьем то, о чем даже в ее учебниках не пишут.

Чувство безумного хоровода осталось. Его окружали. По телу расползался страх. Липкий, настойчивый, непоколебимый, как горячий воздух удушливым днем.

– Позор и болезнь, – прошептал Егерь.

Услугами служебного психолога он пользоваться отказался. Все чудеса и особенности психики мгновенно окажутся в его деле. Если он пойдет к стороннему специалисту – то же самое. Все они одним миром мазанные. Поэтому Егерь погуглил.

По всем признакам у него появились панические атаки. Из лечения рекомендовались: спокойствие, отсутствие стресса, правильное питание, физическая активность, никакого алкоголя и кофе. А главное – хороший специалист.

Ага, все это идеально вписывалось в жизнь следователя. Через знакомых знакомых и никак не связанных с полицией и госбезопасностью людей нашел врача, за умеренную сум-

му выписавшего ему снотворное. Теперь он, по крайней мере, спал. Иногда. Но чаще ему казалось, что он глотает конфетки, плацебо, поскольку, выпив сразу три, мог запросто просидеть на балконе всю ночь, куря сигарету за сигаретой. Больше двух бокалов за ночь он себе не разрешал. Панические атаки скрыть можно, а вот алкоголизм сразу станет заметным. В этом вопросе его коллеги опытны. Бухают тайно или явно почти все.

Если уж пить, то публично, размашисто, ничего не скрывая. Это понятно, всем близко и вопросов не вызывает. Пьющий в однеху и по ночам следак – это подозрительно, это будит разные мысли. Это слабость. А Егерь слыл железным, у него не могло быть слабостей.

После убийства преступника у него не было посттравматического синдрома. Банальный случай, встречающийся в работе практически любого опера. Пришлось пристрелить обезумевшего, напавшего на него наркомана. Тот выхватил пистолет из рук зазевавшегося полицейского и нацелился на Егеря, замешкался, сразу не хватило сил нажать на курок. Слишком обдолбался. А у Егеря хватило. Молниеносно.

Егерь был прав. Даже служебного расследования не было. Вот только психотерапевт приклеился, словно банный лист ко лбу.

Егерь показательно и терпеливо сдал все тесты. Даже комиссию прошел. Не виновен. Здоров. Отличные рекомендации в послужном списке. Еще бы! Егерь готовился к беседе с

психологами, словно к выпускному экзамену. Все, что только смог, в интернете раскопал. Споил и разговорил Левку из соседнего отдела, тот посещал кабинет психолога регулярно. За шесть шотов текилы тот охотно поделился всем, что там происходит. Левка почти гордился клеймом психически неустойчивого следака. Его не выгоняли за профнепригодность, но и дел при этом не поручали. Егерю этот вариант не подходил. Убийство какого-то нарика не могло оказать существенного действия на его психику, он и не такое видел.

Но Егерь знал, куда копают уважаемые психотерапевты. На профессиональном языке это называлось превышение полномочий и неконтролируемый гнев. И вот это уже было хорошей причиной отстранения, а то и увольнения по причине профессиональной непригодности. Егерю следовало насторожиться, остановиться, подумать. Может быть, под него кто-то копает? Враги? У него их предостаточно за годы службы накопилось. Вот, чтобы с реальной жаждой устранения? Может быть, и такие были. Вступили в сговор с настырной девочкой-психологом, может, подкупили и стараются.

На комиссии он был идеален, безупречен. И даже если девчонка что-то и заподозрила, удивляясь его выверенным и идеально правильным ответам, предъявить ему ничего не смогла. Но она не уймётся.

Ох уж эти девчонки. Молодые специалисты. Юные светлые головы. Большие темные проблемы.

Теперь все молодые девочки мгновенно возвращали его

мысли к Лизе Долгополовой и к ее отцу, никак не желавшему угомониться и поверить в смерть дочери. Дурацкое бытовое дело, но благодаря деньгам и власти Андрея Васильевича дело свалили на него. Ладно, «хорошо попросили». Полковник Веденцев лично попросил «отнестись со всей ответственностью». Учился он с этим Долгополовым вместе или в армии был Егерь уже не помнит. Копать там, собственно, нечего. Умерла. Егерь поморщился, понимая, что это дело висит на нем и вот-вот прижмет, словно могильная плита. Надо было срочно что-то делать. Но срочно он собирался что-то делать совсем с другим делом.

Протянув руку, он коснулся телефона. Часы показали четыре двадцать. Он проспал почти четыре часа. Маловато для восстановления сил, тем более после обильного возлияния. Но Егор точно понимал, больше он не заснет. Кроме легкой головной боли и вкуса во рту, будто ночевал отряд пионеров и все по очереди затушили костер, оособых последствий он не почувствовал. Пара таблеток, еще пара витаминов. Несколько упражнений на кольцах, подвешенных к потолку, выход на прямых руках, переворот, разбудили его окончательно. Контрастный душ и его сознание сольётся с человеческой формой.

Егерь долго стоял под упругими струями воды. Менял режимы и температуру, закрывал глаза. Намного дольше, чем обычно, будто хотел взять сил у воды.

Когда он вышел из ванной с покрасневшей кожей и разли-

вающейся по телу бодростью, на телефон уже начали поступать сообщения. Его команда работала. Значит, можно ехать в офис. Он уже привык называть Управление ФСБ светским, не вызывающим вопросов словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.